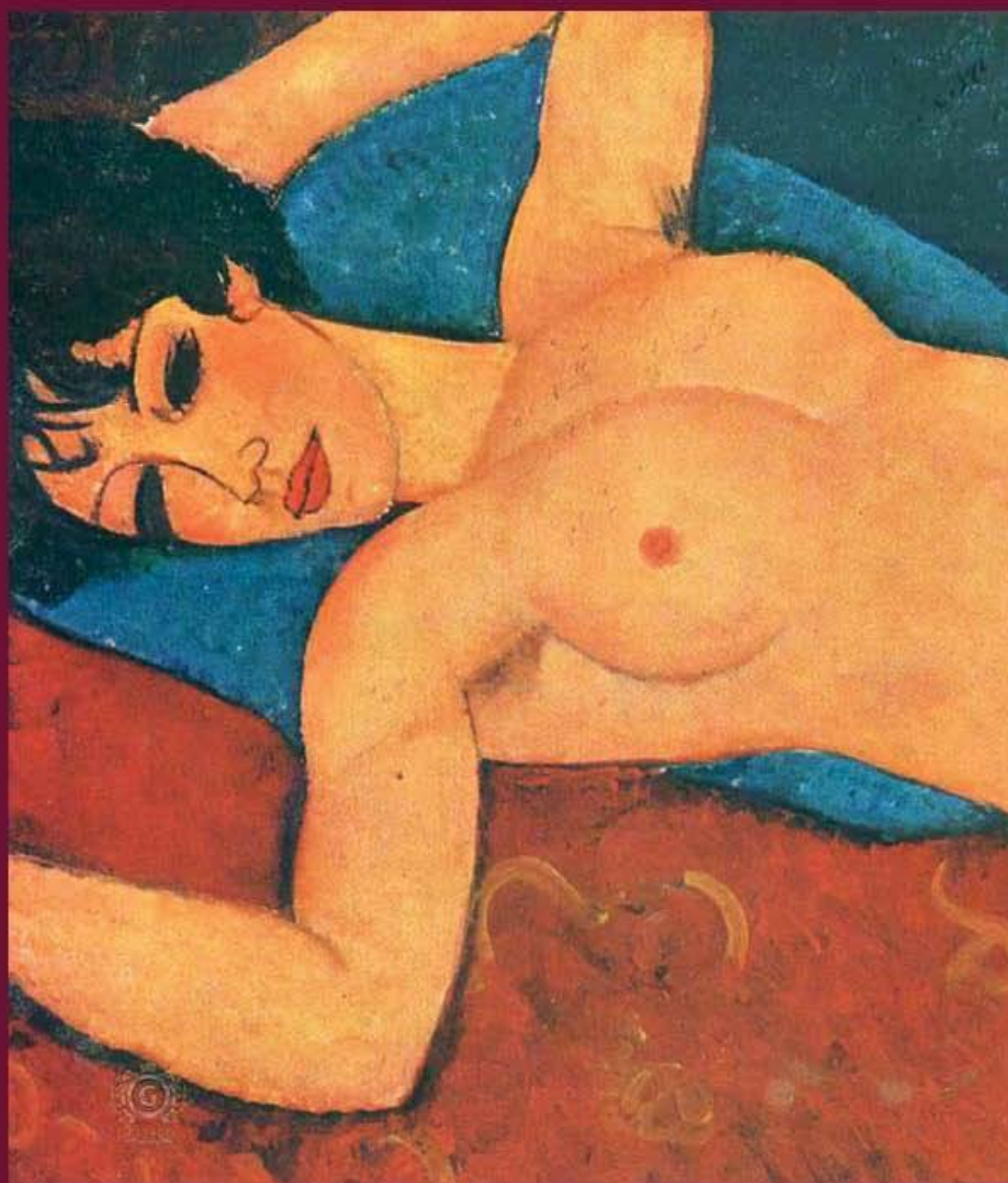

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

Загадочные
женщины
XIX века

Истории любви в истории Франции

Ги Бретон

Загадочные женщины XIX века

«Этерна»

1954–1965

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

Бретон Г.

Загадочные женщины XIX века / Г. Бретон — «Этерна», 1954–1965 — (Истории любви в истории Франции)

ISBN 978-5-480-00059-7

«...Женщины, посещавшие Тюильри... под широкими кринолинами скрывали дьявольский темперамент, что, кстати говоря, полностью отвечало запросам Наполеона III, ибо император, будучи эротоманом, приходил в возбуждение при виде любой юбки. А это значит, что в период с 1852 по 1870 год придворные дамы были полными хозяйками империи. Он с опьянением овладевал ими на сундучке, в тамбуре, на уголке стола, за шторой, в шкафу, и они извлекали из своей внешней слабости большую политическую силу. И можно сказать, как бы это ни казалось странным, что на протяжении восемнадцати лет Францией правили легкодоступные дамы».

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

ISBN 978-5-480-00059-7

© Бретон Г., 1954–1965
© Этерна, 1954–1965

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ги Бретон

Загадочные женщины XIX века

© В. В. Егоров, перевод, 2018

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2018

* * *

Именно во Франции, в этой стране волокит, женщины добивались господства самым простым способом, и власть их была безгранична...
Андреан Делрез

Рассказывают, что однажды вечером 1867 года в саду дворца Тюильри некая баронесса де П. попыталась соблазнить молодого короля Людвига II Баварского, прибывшего в Париж на выставку.

Монарх, который, по слухам, был еще девственником, чувствовал себя явно неловко: его смущали игривые и фривольные намеки прекрасной соблазнительницы. Внезапно он увидел парковую статую и произнес:

– Я с удовольствием полюбил бы женщину, которая была бы такой же белой и каменной, как вот эта статуя.

Госпожа де П. улыбнулась:

– Сир, вы хотели бы повторить историю Пигмалиона...

– Да. Но ведь это невозможно, не так ли? Молодая женщина промурлыкала:

– Что вы, сир, нет ничего проще!

– Вы полагаете?

– Уверена!

– И как же вы предлагаете оживить героев этой истории?

– Очень просто, сир... Я надену белый купальный костюм...

Людвиг II Баварский отрицательно покачал головой:

– Нет, это выглядело бы неправдоподобно. Ведь под купальным костюмом будет скрыто живое существо, а не белая женщина, которую я смог бы полюбить.

Госпожа де П., слегка испугавшись, отошла в сторону. На следующий день она сказала своей подружке:

– Это безумец какой-то! Подай ему женщину из камня... Ну уж в Тюильри-то ему такую не сыскать...

И она была права.

Женщин, посещавших Тюильри, назвать каменными было никак нельзя. Под широкими кринолинами они скрывали дьявольский темперамент, что, кстати говоря, полностью отвечало запросам Наполеона III.

Ибо император, будучи эротоманом, приходил в возбуждение при виде любой юбки. А это значит, что в период с 1852 по 1870 год придворные дамы были полными хозяйками империи. Он с опьянением овладевал ими на сундучке, в тамбуре, на уголке стола, за шторой, в шкафу, и они извлекали из своей внешней слабости большую политическую силу.

И можно сказать, как бы это ни казалось странным, что на протяжении восемнадцати лет Францией правили легкодоступные дамы.

Глава 1

Наполеон III вгоняет императрицу в краску похабными историями

Стыдливость – вторая рубашка...
Г-жа де Сталь

– Никогда не надо ничего откладывать на потом, – говорил маркиз д'О королю Генриху IV.

Да, откладывать действительно не стоит.

Но господин Фуль, начальник отдела записей актов гражданского состояния квартала Тюильри, вернувшись домой 29 января 1853 года, сказал:

– Я только что именем закона объявил Его Императорское Величество и мадемуазель де Монтихо мужем и женой.

И монсеньор архиепископ Парижский был прав, сказав 30 января в полдень, выходя из собора Парижской Богоматери:

– Я только что соединил перед Богом Луи-Наполеона Бонапарта и мадемуазель де Монтихо...

Но на самом деле Эжени стала настоящей французской императрицей только в ночь с 30 на 31 января. Это произошло в замке Вильнев-л'Этан на широкой кровати, которую монарх со свойственной ему страстью постарался превратить в поле боя, предвосхищавшее (в миниатюре), как выразился Пьер де Лано, «долину Рейхсхоффен 6 августа 1870 года после атаки знаменитых кирасиров»...

Биограф Наполеона III мог бы для пушей выразительности сравнить императорское ложе с Севастополем 8 августа 1855 года, поскольку для того, чтобы овладеть «редутом» Евгении де Монтихо, ему понадобились целых одиннадцать месяцев. Ровно столько, сколько потребовалось армии Мак-Магона для овладения Малаховым курганом...

Первая брачная ночь несколько разочаровала императора, предполагавшего, что испанка будет в постели горячей и трепетной. Но, как неэстетично выразился Александр Дюма, «ему пришлось иметь дело с женщиной столь же пылкой, каким бывает кипящий чайник»...

И все же медовый месяц Наполеона III и императрицы Евгении прошел в большой нежности.

Император, обрадованный своей победой, веселился и шутил, с мальчишеским задором проявляя свои способности затейника. Всякий раз, садясь за стол, он выкидывал грубоватые шутки. Входя в столовый зал, Наполеон III превращал салфетку в зайца и заставлял ее скакать по столу. Затем он начинал рассказывать анекдоты, лепить из хлебного мякиша фигурки, походившие на высокопоставленных придворных. И наконец, за десертом проделывал восхитительные опыты из занимательной физики. На глазах изумленной Евгении он накрывал стакан с водой листком бумаги и переворачивал его вверх дном, из апельсина делал венецианский фонарь или удерживал в равновесии на кончике ножа бутылочную пробку с двумя воткнутыми в нее вилками...

На все эти проявления мальчишеской любви Евгения отвечала умильным старанием. Она была избрана, выделена монархом из толпы. В соборе Парижской Богоматери стала законной женой императора, а посему считала, что должна была, как всякая уважающая традиции испанка, проявлять по отношению к Наполеону III знаки расположения и нежности, которые вскоре (и это совершенно понятно) зародились в ее сердце.

По прошествии нескольких дней такой идиллической жизни Эжени попросила мужа отвезти ее в Трианон. В начале своего царствования она пожелала посетить те места, где Мария-Антуанетта прожила свои самые счастливые дни.

Наконец 7 февраля монаршая чета вернулась в Париж, и императрица обосновалась во дворце Тюильри.

И немедленно вписалась в ту роль, которую ей предстояло играть семнадцать лет. Да, именно роль. Ведь не зря она написала своей сестрице Пако:

«Начиная со вчерашнего дня меня называют все “Ваше Величество”, и мне кажется, что все разыгрывают комедию... Когда я играю роль императрицы, то стараюсь вести себя очень естественно...»

И она играла роль самой элегантной, самой улыбающейся и самой изысканной государыни в Европе. Она усердно училась этому у одной актрисы.

Ибо коварная судьба избрала учительницей императрицы комедиантку Рашель, и дворцовая прислуга с удовольствием наблюдала, как бывшая любовница Наполеона III обучает императрицу тонкостям реверанса...

Такое слегка преувеличенное чопорное поведение Евгении не всегда, следует признать, сочеталось с довольно вольным поведением императора. Она всегда называла его «сир» и обращалась на «вы», а он говорил ей всегда «ты» даже на людях. Обращаясь к ней, называл ее просто по имени, произнося его как «Южина»...

Императрицу шокировала вольность речи венценосного супруга, поскольку Наполеон III обладал очень своеобразным словарным запасом и имел явную склонность к похабным историям, которые он знал в огромном количестве...

Однажды он вогнал ее в краску рассказом о случае, произошедшем с капитаном следопытов по фамилии Дюваль. Этого офицера пригласила в гости некая принцесса, на которую он давно поглядывал глазами голодного волка. Собираясь на свидание, он рассказал о приглашении своим приятелям, которые, естественно, не преминули отпустить по этому поводу множество шуточек:

– Когда отправляешься к мадам Пютифар, – воскликнул один из них, – надо быть готовым уйти, как Иосиф...

– Не беспокойтесь, – ответил Дюваль. – Эта принцесса ничем особенным не привлекательна.

Она здорова, как кит, и у меня нет ни малейшего желания становиться ее любовником...

На следующий день приятели спросили Дюваля:

– Ну что?.. Вернулся, как Иосиф?..

Дюваль опустил голову:

– Нет... Как Иов!..

Императрица стала и вовсе пунцовой, когда Наполеон III рассказал об ужасном случае, происшедшем с одним из придворных.

Этот царедворец (виконт Аженор де Б...) был в некотором роде помешан на половом вопросе, причем испытывал наслаждение только с девственницами. И посему дарил баснословные деньги тем зеленым плодам, которые соглашались созревать с его помощью. И вот одна юная куртизанка, уже прошедшая курс обучения ремеслу с большей половиной личной охраны императора (так называемой Охранной сотней), решила, что и она могла бы погреть руки на столь ярко выраженной склонности виконта полакомиться «свежатинкой». Она напра-

вилась к одной старухе-сводне, которая знала рецепт мази, позволявшей женщинам имитировать невинность, и купила у нее за большие деньги целую банку этой мази.

Спустя несколько дней, наложив чудодейственную мазь в нужное место, она встретила с виконтом. Тот, обезумев от радости, всерьез подумал, что имеет дело с девственницей.

Однако на следующее утро прекрасный Аженор, войдя в туалетную комнату своей новой любовницы, обнаружил на столике перед зеркалом баночку с мазью. Поскольку у него были обветрены губы, он решил, что неплохо было бы смазать их находящимся в баночке жирным веществом. Увы! Как рассказал один автор мемуаров, «к его огромному удивлению, губы его слиплись и сжались до такой степени, что весь рот стал представлять лишь такое маленькое отверстие, что туда не пролазил даже палец...».

Услышав эту историю, Евгения оскорбилась, как никогда...

Мартовским вечером 1853 года во дворце Тюильри проходил большой костюмированный бал. Император через полуприкрытые ресницы поглядывал на придворных дам «с видом лиса, стерегущего курятник».

Вдруг взор его загорелся. В зале появилась некая молодая женщина в странном наряде: вырез ее платья был настолько глубоким, что давал возможность увидеть почти полностью самую красивую в мире грудь.

Император дрожащей рукой принялся теревить свои усы...

Императрице Евгении это зрелище удовольствия не доставило вовсе. Больше того, оно возмутило ее.

– Плечи показывать надо, – произнесла она, – но не до самого же пупка!

В этот момент декольтированная молодая женщина обратилась к президенту Дюпену, не отводившему взгляда от столь смелого декольте:

– Почему вы так пристально меня разглядываете, мсье президент?

Господин Дюпен ответил комплиментом:

– Дорогая мадам, я восхищен оригинальностью вашего наряда... Что же он символизирует?

– Я – Амфитрита, богиня моря...

Господин Дюпен улыбнулся:

– Ах, Амфитрита!.. Ну да, конечно, богиня моря... Но сейчас на море, наверное, отлив?..

Покраснев от смущения, молодая женщина ретировалась.

Императрица слышала этот диалог. Но он ее отнюдь не развеселил, как можно было бы ожидать. Напротив, она показала, что шокирована этой грубой шуткой. И несколько месяцев после этого случая она не приглашала Дюпена на свои приемы...

Ибо Евгения, несмотря на свою вольную юность, была очень стыдлива. Ее суровое отношение к распутству сопровождалось, кстати, ненавистным отношением к постельным забавам. Будучи лишена сексуальности, бедная императрица называла «грязными» галантные выходки своего мужа...

Многочисленные анекдоты показывают непримиримое отношение императрицы к вольным словам и поступкам.

Однажды Проспер Мериме, показывая ей аббатство Клуни, наклонился и прошептал ей на ухо:

– Здесь я запрещаю вам поднимать голову вверх!

Евгения гордо подняла подбородок:

– Хотела бы я знать, кто именно сможет мне запретить что-либо! – произнесла она немедленно.

И, подняв голову, увидела над собой фреску, на которой художники XIII столетия смешали порок, символизм и распутство. Там был изображен монах, довольно-таки фамильярно обращающийся с толстенной свиньей...

Побледнев от гнева, Евгения сильно ударила по руке Мериме зонтиком от солнца.

– Так, значит, вы добивались должности смотрителя исторических памятников только для того, чтобы показывать мне подобные гадости? Тогда примите мои поздравления!..

И потребовала у ошеломленного автора «Коломбы» немедленно отвезти ее в Тюильри.

Отметим, что эта чрезмерная стыдливость сочеталась с некоторой наивностью. Придворные обратили на это внимание во время посещения императрицей одной из выставок. Оставившись перед статуей, названной «Целомудрие», она высказала свои замечания:

– Плечи слишком уж узки. Это некрасиво!

Сопровождавший ее Нойверкерке позволил себе заметить на это, что фигура юной девы и должна быть менее развитой по сравнению с фигурой женщины и что «эта неразвитость тела и является частью целомудрия».

И тогда императрица ответила с присущей ей категоричностью, даже не подумав о том, как могут истолковать ее слова извращенные умы:

– Можно оставаться целомудренной и не будучи узкой в бедрах! Я не вижу никакой связи!..

Официальные лица с трудом удержались от смеха...

Из-за своей стыдливости, строгости взглядов и нерасположенности к любовным забавам Евгения начала конфликтовать с придворными дамами. Ведь Тюильри был царством беспорядка и красоты, блеска и сладострастия...

Вот описание двора, сделанное современником, графом Орасом де Вьель-Кастелем:

«Что касается женской добродетели, то тем, кто меня об этом спросит, я могу дать один лишь ответ: женщины очень похожи на театральный занавес, поскольку каждый вечер их юбки поднимаются и опускаются раза по три.

Женщин уже даже не удовлетворяют мужчины, и среди них все более широкое распространение получает лесбиянство.

В наше время все живут только чувствами, и женщинам нет отказа ни в чем, все их капризы удовлетворяются.

Педе... теперь уже больше не осуждаются; маркиза де Кюстина все теперь считают человеком порядочным.

Если вы не станете трогать пороки соседа, он будет щадить ваши собственные пороки.

Светская беседа едва прикрывает развратность мысли. Женщины с ума сходят от игривых слов, то есть от похоти, облеченной в благопристойную словесную оболочку. И это называется **“уметь вести себя в обществе”**.

Если мужчина спросит женщину прямо: “Не желаете ли переспать со мной?”, это будет расценено как хамство, плохой тон. Но коли он промолвит ей страстно “Я без ума от вас!” и бесцеремонно сотворит с ней все, что захочет, она будет считать его человеком с хорошими манерами, очаровательным»¹.

Стыдливость бедной императрицы, сами понимаете, ежедневно подвергалась суровым испытаниям. Тем паче, что император на пару с Морни находил наслаждение в том, чтобы проучить ее, а посему сообщал ей обо всех скандалах на любовной почве, происходивших в высшем свете. Так, однажды утром, они рассказали ей о происшествии с Мари д’Агу. Нам же о нем повествует все тот же господин де Вьель-Кастель:

---

¹ Граф Орас де Вьель-Кастель. Мемуары о правлении Наполеона III.

«Графиня д'Агу была в свое время похищена Листом, от которого родила троих детей. Затем, вернувшись в Париж, она стала любовницей Эмиля де Жирардена, Лема и т. д. ... И наконец, эта женщина превратилась в социалистическую писательницу под псевдонимом Даниель Стерн.

Однажды вечером, когда мы вдвоем пили чай, сидя у камина, она сказала:

– Я как-то раз попыталась было понять, какое это наслаждение – принадлежать одновременно двум мужчинам.

– Как это? – спросил я.

– Как? – произнесла она в ответ. – Вы ведь ели сэндвичи?

– Да.

– И знаете, как их готовят?

– Еще бы, черт возьми! Берется ломтик хлеба, намазывается с одной стороны маслом, а на другую сторону кладется ветчина².

– Вот именно! Так вот я и приготовила сэндвич, в котором ломтиком хлеба была сама...»

Можно было себе представить чувства Евгении, когда она узнавала о подобного рода развлечениях...

---

² В то время сэндвич готовился именно так. Сегодня Мари д'Агу была бы... ветчиной!

Глава 2

Императрица Евгения, узнав об измене мужа, не пускает его в свою постель

Ни разу не случилось так, чтобы опала характер королевский исправляла.
Беранже

Как-то вечером на одном из праздников в Тюильри Наполеон III бродил по гостиным с очень озабоченным видом. Заинтересовавшись этим, принцесса Матильда остановила императора и спросила, что его угнетает.

– У меня ужасно болит голова, – ответил император. – А кроме того, меня преследуют три женщины.

– Как вы можете устраивать себе такую жизнь? Три женщины – это просто безумие!

Взяв кузину за руку, он указал ей на трех своих воздыхательниц:

– Видите ли, на первом этаже находится блондинка, с которой я хочу порвать. На втором меня поджидает дама, безусловно, очень красивая, но чрезвычайно надоедливая. А на третьем этаже за мной охотится еще одна блондинка, которая меня домогается и не дает проходу. Принцесса Матильда улыбнулась:

– А... как же императрица?..

Наполеон III пожал плечами:

– Императрица? Ей я был верен целых шесть месяцев после свадьбы... Но ведь мне нужно же развеяться... Я не могу жить монотонно... И потом, это позволяет мне с удовольствием возвращаться к ней...³

Последняя фраза, хотя и претендовала на галантность, была насквозь лживой. Ибо на самом деле Наполеон III не испытывал ни малейшего удовольствия от исполнения супружеских обязанностей со своей фригидной женой и ложился к ней в постель только по велению долга. Стелли сообщает нам, что «когда император с нафабренными усами и холодной головой приходил поработать с императрицей, он действовал прилежно, устремив взор своих голубоватых глаз в мечты о продлении династии»...

При таких обстоятельствах мы вправе задать себе вопрос: не поставить ли ветреному Наполеону III в заслугу то, что он смог сохранить верность Евгении на протяжении целых шести месяцев?..

После этих ста восьмидесяти дней, проведенных в мудрости и постоянстве, император, будучи не в силах сдерживаться далее, набросился однажды вечером на очаровательную блондинку, немного, правда, взбалмошную, чей взор с некоторых пор пленял придворных мужчин.

Звали ее госпожой де Лабедуайер.

Она была, по выражению Фредерика Лолье, «украшением балов и званых вечеров. Днем ее лицо было каким-то бесцветным и непривлекательным. А вот вечером все в ней оживало, и без применения каких-либо средств глаза ее начинали гореть синим пламенем, лицо начинало румяниться».

Госпожа де Меттерних высказалась еще более категорично:

– Когда появляется мадам де Лабедуайер, создается впечатление, что зажгли дополнительную люстру...

---

³ Весь этот разговор донесла до нас сама принцесса Матильда.

Наполеон III, как ослепленный мотылек, начал порхать вокруг этой сверкающей женщины. Да так активно, что вскоре весь двор был уверен в том, что недалек тот час, когда у Ее Императорского Величества вырастут рожки...

Что вскоре и случилось.

И все тогда заметили, что госпожа де Лабедуайер стала появляться в Тюильри с выражением возбуждения на лице, «красноречиво говорившим о тех знаках внимания, которые оказывал ей император».

В течение некоторого времени она могла позволить себе почти все: придворные, разумеется, прощали ей любые выходки. Одна из ее выходок была довольно потешной. Как-то вечером на приеме госпожа де Лабедуайер увидела, как в гостиную вошла маленькая темноволосая и смуглая женщина, с которой она не была знакома. Наклонясь к оказавшемуся рядом господину Руеру, она спросила:

– Это еще что за пигалица? Министр с улыбкой поклонился:

– Это – моя жена, мадам...

Смутившись, госпожа де Лабедуайер извинилась за «пигалицу» и, покинув господина Руера, подошла к группе своих приятелей.

– Со мной только что приключилась самая забавная и неприятная история, – сказала она. – Разговаривая с мсье Руером, я увидела, как в зале появилась какая-то маленькая смуглолицая дама... Вон она, видите... Так вот, я воскликнула: «Это что за пигалица?»...

– На что я имел честь ответить вам: «Мадам, это – моя жена»...

Резко обернувшись, госпожа де Лабедуайер увидела перед собой продолжавшего улыбаться господина Руера...

Мериме был прав, говоря про Наполеона III: «Он пыжится, как кот, недели две, а потом, добившись своего, остывает и больше об этом не думает вовсе». И императору, действительно, очень скоро надоела эта очаровательная, но вечно попадающая впросак женщина.

Для того чтобы отблагодарить ее за доставленные ему приятные моменты, он сделал ее мужа – уже камергера – сенатором. А потом обратил свой взор на прелести других дам⁴.

После полугода тихой и размеренной жизни ему требовалось пожить бурно. И он снял на улице Бак, располагавшейся между набережной и бульваром Сен-Жермен, небольшой особняк и устроил в нем свое любовное гнездышко. Вечерами, надев голубой плащ и серые брюки со штрипками, напялив на голову простую шляпу и прихватив трость из рога носорога, он выходил из Тюильри через потайную дверь, за которой его ожидала карета с двумя телохранителями, и отправлялся на улицу Бак. Там он встречался с актрисами, кокетками, субретками, светскими женщинами, куртизанками...

Ему нравились все. Он признался в этом однажды, когда в Тюильри играли в загадки и всем было предложено ответить на такой вопрос: «Какая из женщин более подходит для занятий любовью с точки зрения чисто чувственной: дама из высшего света или куртизанка?»

Когда пришел черед отвечать, Луи-Наполеон сказал:

– Для любви пригодны все женщины, какого бы социального происхождения они ни были. Главное – чтобы были чувственными и элегантными!

А потом с улыбкой добавил:

– В саду, куда никто не может проникнуть, растут великолепные плоды, которыми наслаждается один владелец сада. Но почему же в доступном для всех саду не могут произрастать столь же сладкие плоды?

---

⁴ Возвышение господина де Лабедуайера вызвало насмешки придворных. И господин де Вьель-Кастель поэтому написал: «Его отец был расстрелян в 1815 году. А жена наставила ему великолепные рога. Ах, господин сенатор почтенный, Я ведь всего лишь слуга ваш смиренный».

Любовь императора к женскому полу привела его однажды к очень пикантному происшествию. Как-то вечером на одном из праздников император, проходя через маленькую темную гостиную, увидел лежащую на канapé фигуру в юбке. Приблизившись, он сунул руку под юбку, погладил ногу и позволил себе некоторые вольности. В ответ раздался дикий крик. И Наполеону III ничего не оставалось делать, как принести свои глубочайшие извинения епископу Нансийскому, который, устав от суеты праздника, прилег на минутку на канapé и сладко задремал...

Евгения, разумеется, даже и не подозревала об этих выходках императора. Она скользила прекрасным белым лебедем над сомнительной чистоты водой придворной пошлости. Казалось, ничто ее не трогало. На балах, где, по выражению одного из авторов мемуаров, «взгляды были не чем иным, как призывом к разврату», она улыбалась слегка грустной и чуточку натянутой улыбкой фригидной женщины.

Оказавшись по милости естества вне течения, влекущего мужчин и женщин к сладострастию, она не могла себе представить, как это люди могут страдать от любви и жаждать ее. Кроме того, ослепленная собственной красотой, она и в мыслях не допускала, что император сможет предпочесть ее какой-либо другой женщине.

А посему, когда Евгения узнала о том, что император возобновил роман с мисс Ховард, удивлению ее не было границ...⁵

Это возрождение старой связи имело место в конце июня. А уже 2 июля «наблюдатель» написал в рапорте префекту полиции Мопá:

«Все говорит за то, что Луи-Наполеон полностью восстановил отношения с мисс Ховард, что привело к появлению небольших облаков на семейном небосклоне императорской четы»⁶.

Тот полицейский любил выражаться красиво. На самом же деле эти «небольшие облака» были настоящей грозовой тучей, которая сотрясла Тюильри. Императрица терпеть не могла, когда трогали ее вещи. Это было нечто вроде маньячества. Увидев сдвинутую с места подушку в своей коляске, она бледнела от гнева. И можно себе представить ее ярость и огорчение при мысли о том, что мисс Ховард могла своей трепетной рукой изменить порядок расположения императорских вещей или еще чего-либо...

Несколько недель подряд во дворце происходили ужасные сцены. Довольные этим зрелищем слуги и придворные не отрывали уха от личных апартаментов императорской семьи. 21 августа префект полиции отметил для себя:

«Императрица, узнав, что император снова сблизился с мисс Ховард (по мнению одних) или вступил с ней в переписку (по мнению других), вроде бы выразила своему августейшему супругу намерение покинуть Сен-Клу и уехать из Франции, если император не соизволит позаботиться о своем достоинстве и не уяснит себе, чем он обязан женщине, которую избрал себе в жены. Потом якобы имела место бурная сцена. Ее Величество императрица вроде бы заявила императору, что ей не нужен трон, что ей дорог муж. Что выходила она замуж не за монарха, а за человека. Что первая же его измена будет причиной их разрыва... Император, всегда спокойный и мягкий, даже когда бывает неправ, вроде бы успокоил разгневанную супругу, пообещав ей, что прекратит переписку с указанной особой».

Но Наполеон III слова своего не сдержал, ибо на следующий день господин Мопá снова написал:

---

⁵ См. «Женщины и короли», т. 9.

⁶ Архивы императорского министерства полиции.

«22 августа 1853 года. Мисс Ховард берет верх, к крайнему неудовольствию императрицы. Капризы бывшей любовницы дорого стоят... Совсем недавно пришлось выдать ей 150 000 франков по настоянию мсье Мокара, уверявшего, что это нужно для того, чтобы немного успокоить ее...»

Мисс Ховард доставляло удовольствие, смешанное со злорадством, попадаться на пути следования монаршей четы и приветствовать Наполеона III и Евгению. Императрица, глядя прямо перед собой, раздувала ноздри, а император отвечал на приветствие широким взмахом шляпы...

Послушаем Фукье:

«Когда двор находился в Версале, я несколько раз был приглашен к Бриану в Лож, что неподалеку от дворца. Никак не могу забыть историю, которую рассказала мне мадам Бриан-мать и которая так характерна для своей эпохи. Наполеон III прибыл в Версаль для того, чтобы провести смотр войскам лагеря Сатори. После торжественного прохождения войск император направился к ожидавшей его карете. Это была карета мисс Ховард... и она должна была отвезти его в замок Борегар, что неподалеку от Шене. Для того чтобы сменить военную форму на партикулярное платье, император снял в карете кепи и накидку, надел на голову цилиндр и плащ, оставив красные военные брюки и лакированные сапоги. Все, кто видел, как он в этом странном наряде ехал в коляске мисс Ховард, надолго запомнили это. Все объяснялось любовью к прекрасной англичанке...»⁷

Императрица, естественно, узнала обо всем этом. Но на сей раз она не стала бить тарелки, не произнесла ни единого оскорбления, а просто-напросто заявила, «что прекращает супружеские отношения и больше не позволит своему господину и повелителю войти в супружескую спальню»...

Наполеона III это очень огорчило, поскольку он по-прежнему хотел заложить основу своей династии. А Евгения была единственной в мире женщиной, которая могла дать ему наследника престола. И поэтому ему нужно было любой ценой получить доступ в императорскую постель.

И вот Наполеон III, скрепя сердце, попросил мисс Ховард покинуть Францию и пожить некоторое время в Англии, где, кстати, согласно условиям их договора, она должна была подыскать себе мужа.

Убитая горем Хэриетт сдалась. С изменившимся от огорчения лицом, она спустя несколько дней после этого разговора уехала в Лондон, увезя с собой своего сына и двух незаконнорожденных мальчиков, появившихся на свет благодаря стараниям Луи-Наполеона у Элеоноры Вержо в форте Ам...

И только тогда Евгения снова открыла императору дверь своей спальни, и он устремился в супружеское ложе полный желания выковать следующее звено в цепочке Бонапартов...

Увы! Шли месяцы, а у императорской четы все никак не появлялась надежда на появление на свет наследника. Евгения, у которой в апреле 1853 года был выкидыш, впала в отчаяние.

Охваченный злостью от того, что напрасно потратил столько сил на женщину, к которой не чувствует никакого полового влечения, Наполеон III снова обратил свой взор и все остальное на доступных и, как выразился Ламбер, «активно работающих ягодицами» девиц: хотя они и не могли подарить ему дофина, но уж, по крайней мере, были в состоянии доставить ему глубокое удовлетворение...

8 февраля 1854 года несчастная императрица вдруг узнала о том, что муженек изменяет ей с некоей юной актрисой и что вот уже несколько месяцев, как мисс Ховард, вернувшись

---

⁷ Марсель Фукье. Счастливые дни прошлого.

в Париж, живет в своем особнячке на улице Цирка... Она заперлась в своей комнате и дала волю слезам. Эта печаль, к которой примешивалось чувство унижения и стыда за то, что она никак не может родить императору наследника, стала скоро достоянием гласности. 7 февраля «наблюдатель» написал префекту полиции:

«Императрица находится в глубокой тоске, которую можно объяснить или горечью за то, что она не может родить ребенка, или отношением к ней со стороны супруга. Здесь сильно замешана и некая мадемуазель А..., которая, судя по всему, сегодня является удачливой соперницей императрицы. Старая любовь к мисс Ховард, переросшая в дружбу, тоже, кстати, продолжает иметь место, и визиты на Елисейские Поля очень часты...»

На сей раз императрица избрала новую тактику. Она решила, что для того, чтобы вернуть мужа, единственным средством мог быть ребенок. И теперь сама начала просить императора навещать ее каждый вечер...

Настойчивость эта вскоре увенчалась успехом: в мае Евгения объявила Наполеону III, что она беременна⁸.

Увы! Спустя три месяца у нее снова был выкидыш.

Придворные забеспокоились:

– Этак у нас никогда не будет дофина!..

Узнав об этих разговорах, Наполеон III пришел в ярость и пригласил в Тюильри известного акушера Поля Дюбуа.

– Соболаговолите осмотреть императрицу!..

Дюбуа был человеком очень застенчивым. При мысли о том, что ему придется совать пальцы в место, предназначенное только Его Величеству, он перепугался:

– Лучше я пришлю вам повитуху из родильного дома, – пробормотал он.

– Вы хотя бы взгляните, – дружески предложил император...

Но Дюбуа, покраснев, наотрез отказался.

А на следующий день во дворец пришла повитуха. Склонившись над Евгенией, она долго ее осматривала. Наконец, подняв голову, она произнесла:

– Все в совершенном порядке, государь!

Франция с облегчением вздохнула...

Когда придворным стало известно заключение повитухи, кое-кто начал поговаривать о том, что «недостатком страдает», возможно, не императрица, а сам император. Самые смелые дошли даже до того, что стали утверждать, что половые излишества, которым монарх предавался на протяжении двадцати лет, вполне могли снизить его детотворную способность.

– Он поизносился, – говорили они.

Другие были более снисходительны. И уверяли, что заботы, осаждавшие Наполеона III в начале 1854 года, мешали ему навещать императрицу «в обычном для него боевом настроении».

Барон де В... в письме своему шуруну высказал это мнение грубовато, но коротко и ясно:

«Вспомните о том, – писал он, – что Францию изнуряет холера, что последний урожай был просто катастрофическим и что нам грозит война с Россией... Подумайте сами, как он может... оплодотворять!..»⁹

---

⁸ Именно в это самое время, а если точнее, то 16 мая, мисс Ховард, устав от неопределенности и окончательно порвав с любовником, вышла замуж за своего соотечественника Кларенса Трелони. Она умерла 19 августа 1865 года в своем замке Борегар.

⁹ Сами понимаете, что в письме у барона стоит менее научный термин.

Действительно, забот у императора хватало. Царь, задумав захватить Константинополь, овладел к концу 1853 года дунайскими княжествами и снаряжал в Севастополе мощный флот. Заключив союз с Англией и заручившись нейтралитетом Австрии и Пруссии, Наполеон III решил дать первый сигнал к сопротивлению экспансии России и отдал приказ базировавшемуся в Средиземном море французскому флоту взять курс на Саламин, а при возникновении малейшего конфликта войти в Черное море.

В конце февраля к французам присоединился английский флот.

Европа стояла на пороге войны.

И Наполеон III, заявивший во время коронации: **«Империя – это мир»** (это красивое выражение тогда всем понравилось), чувствовал себя очень неловко...

В марте русские разбили турецкую флотилию у Синопа, что явилось сигналом к началу боевых действий. Франко-английский флот вошел в Черное море, а 27 февраля Франция объявила России войну, что заставило бросить тысячи людей в «Севастопольское горнило», позволило парижанам узнать о существовании Крыма, а бывшей императорской любовнице блеснуть своим красноречием.

В момент объявления войны Рашель была в Санкт-Петербурге, где с успехом прошла целая серия представлений с ее участием. С большим сожалением она была вынуждена уложить чемоданы и возвратиться во Францию. Но перед отъездом она была приглашена на ужин в ее честь, устроенный гвардейскими офицерами.

Не желая отказывать офицерам, которые еще вчера так горячо ей аплодировали, она приняла приглашение.

На десерт подали шампанское. И тут поднялся некий молодцеватый полковник с бокалом в руке:

– Мы не говорим вам «прощайте», мадам... мы говорим «до свидания»! Потому что, – добавил он под одобрительный хохот сослуживцев, – скоро мы будем в Париже, и уж тогда-то мы выпьем за ваше здоровье и за ваш талант!..

Рашель и бровью не повела. Поднявшись со стула, она с улыбкой произнесла в ответ:

– Господа, я горячо благодарна вам за прием и за ваши пожелания. Но должна вас предупредить о том, что у Франции не хватит средств на то, чтобы угощать шампанским военнопленных!..

Вечер был безнадежно испорчен...

Когда тридцать тысяч французских солдат были отправлены в Крым, где к ним должны были присоединиться двадцать пять тысяч англичан, Наполеон III смог облегченно вздохнуть.

Война началась, и теперь он снова мог проявлять интерес к императрице.

Увы! Та вскоре начала жаловаться на боли, «появившиеся вследствие частых знаков внимания со стороны императора», и врачи предписали ей отдых в Биаррице.

И в самый разгар войны двор покинул Тюильри и отправился отдыхать на Атлантическое побережье.

Сразу же по прибытии туда Наполеон III решил, что для того, чтобы императрица лучше отдохнула, следовало отменить соблюдение этикета.

– Не надо никаких почестей, никаких аудиенций, – сказал он придворным. – Мы здесь все друзья!..

И таким образом, ежедневно после ужина императрица устраивала у себя игры, в которых принимали участия все. Даже сам император с удовольствием прыгал через стулья, кресла, канapé...

А поскольку завсегдатаи двора были «большими любителями потереться», развлечения на вилле у Евгении вскоре приняли довольно непристойный характер. И Шарль Симон сообщает нам, что самыми любимыми развлечениями двора были «игры с сомнительными прижи-

маниями, сменявшимися забавными кульбитами; юбки в этих играх были очень широкими, а брюки – открытыми...».

Некоторые игры были и впрямь довольно любопытными. Послушаем еще раз свидетельство Шарля Симона:

«Один человек становится на четвереньки и кладет голову на колени сидящей на стуле дамы. Остальные мужчины и женщины взбираются к нему на спину до тех пор, пока он не рухнет и эта человеческая гроздь не превратится в куча-мала. Веселую и иногда приятную.

Существовало еще одно, совершенно наивное развлечение. Участники игры усаживались в кружок, полусогнув ноги, так чтобы ступни дам и кавалеров прилегали друг к другу. Затем в середину бросался браслет, носовой платок, а то и просто чья-нибудь туфелька, которую надо было пропустить под коленями каждого игрока. А один человек, находившийся вне круга, “кошка”, должен был схватить этот предмет, который перемещался под брюками и широкими юбками. Случалось, что предмет этот слишком долго задерживался в каком-нибудь месте. Тогда “кошка” должна была поймать “мышку”, что придавало игре приятный оттенок...»

Даже простая игра в прятки на этих вечерах теряла свою безобидность и приобретала оттенок сладострастия:

«Однажды вечером некая дама, с удовольствием возлагавшая дань на алтарь Лесбоса, захотела завоевать некую молодую женщину, которая ей очень нравилась. Ловко проследив, в каком направлении убежала ее будущая жертва, она направилась сразу же в то место, куда та, по ее расчетам, должна была спрятаться. В потемках она напала на жертву, стала столь недвусмысленно ласкать и целовать, обняла ее так крепко, что особа, подвергшаяся столь активным ласкам, возмутилась и подала голос. Какой ужас! Произошла ошибка, и все ласки достались некоему старому уроду, перед которым потом пришлось долго и униженно извиняться!...»¹⁰

И наконец, в Биаррице, как потом это будет происходить и в Компьене, развлекались, строя живые картины.

Это развлечение, заключавшееся в том, чтобы изобразить галантные сцены, чаще всего из мифологии, вскоре послужило причиной написания одного весьма любопытного письма, которое написала девушка-подросток.

Дочка маршала Маньяна, которой было поручено представлять Эроса, написала отцу:

«Дорогой папочка, сегодня вечером я представляюсь Амуром¹¹, пришлите мне поэтому все необходимое...»

Можно представить себе лицо маршала, когда он прочел подобное послание...

27 августа Наполеон III уехал из Биаррица в Булонь, где должен был встретиться с супругом королевы Виктории принцем-консортом Альбертом.

Евгения осталась одна со своими приближенными дамами.

И сразу же ее недоброжелатели стали шептаться о том, что молодая монархиня воспользуется этой свободой для того, чтобы «украсить голову императора предметом, который сама она по его милости носит вот уже год...».

Но такое про Евгению мог сказать только тот, кто ее плохо знал. Да, она была одна и свободна, она вполне могла бы своим испанским кокетством вскружить голову любому. Но она предпочла другое...

Она была увлечена спиритизмом. С некоторых пор она вызывала и беседовала с душами великих людей прошлого.

---

¹⁰ Шарль Симон и М.-П. Пуэсо. Галантная жизнь во времена Второй империи.

¹¹ По-французски «faire l'amour» означает или «представляться Амуром», или «заниматься любовью». – Примеч. пер.

Некоторые из них, особенно предрасположенные к интригам, дали ей самые подробные сведения о прекрасных фаворитках императора. И если верить уважаемым историкам, именно таким странным способом она узнала о связи Наполеона III с госпожой де Лабедуайер...

В Биаррице Евгения спрашивала у духов о Крымской войне, желая узнать, долго ли она продлится и сможет ли франко-английский флот потопить русские корабли. Но духи были не очень-то разговорчивы, и императрице пришлось довольствоваться – без потусторонней помощи – всеобщим оптимизмом...¹²

18 сентября она покинула Биарриц и переехала в Бордо, ее ждал император. При встрече с женой Наполеон III проявил ребяческую радость. В присутствии собравшейся на ступенях вокзала толпы он страстно расцеловал ее руки и нежно взял под руку. Эта нежность растрогала простой люд...

На другой день монархи отбыли из Бордо на парижском экспрессе¹³ и вскоре благополучно прибыли в Тюильри.

Пребывание в Биаррице и частые морские купания оказали очень благотворное действие на здоровье Евгении. И поэтому врачи посоветовали Наполеону III «возобновить опыты в супружеской постели».

Всю зиму император отважно старался быть на высоте. Увы! Как и франко-английский экспедиционный корпус, топтавшийся на месте под Севастополем, император, как сказал нам А. де Сазо, «не мог составить победную реляцию»...

Вполне понятно, среди придворных пошли самые гнусные сплетни. Люди, утверждавшие, что они хорошо осведомлены, говорили, что у императрицы был некий дефект, заставлявший императора совершать утомительные акробатические упражнения. Другие рассказывали о том, что в юном возрасте Евгения была лишена невинности неким испанским офицером, столь щедро наделенным природой, что он изувечил ее... И наконец, были и такие – более снисходительные, – кто ограничивался лишь тем, что, пожимая плечами, заявлял, что Наполеон III женился на пустой редиске...

Все эти разговоры, вполне понятно, доводились до сведения императора, и бедняга очень от этого страдал. И очень обрадовался, когда в начале 1854 года в Париже разразилось несколько скандалов, заставивших недоброжелательно настроенных придворных переключить свое внимание.

Первый из этих скандалов разразился 13 января. Вот что рассказывает об этом сплетник Вьель-Кастель:

«В свете вполголоса говорят о деле мадам де Нансути, урожденной Перрон, которая с некоторых пор стала вести себя с показной набожностью, почти перестала появляться в свете и больше не носила украшений. Когда мужу захотелось взглянуть на ее украшения, она их ему не показала. Тогда он вспылил, схватил ключ от секретера, открыл его. Но никаких украшений в нем не обнаружил!.. Поискал еще... Ничего!.. А мадам де Нансути пропажу их объяснить отказалась.

Тогда граф де Нансути обратился за советом к комиссару полиции. Тот подсказал средство: обыскать весь дом. Мадам де Нансути проведению обыска не противилась, оставаясь холодной, высокомерной и бесстрастной. Драгоценности были обнаружены у горничной, и та заявила, что они были подарены ей хозяйкой. На это граф де Нансути сказал:

– Если бы ваша хозяйка подарила вам эти украшения, она сказала бы об этом нам, поскольку знала, что комиссар будет обыскивать весь дом. Вы всего-навсего воровка!

---

¹² Позднее императрица будет целиком и полностью доверять некоему шотландскому оккультисту американской национальности по фамилии Дуглас Хьюм. Этот авантюрист, которого многие подозревали в том, что он работал на германскую разведку, был при дворе Наполеона III чем-то вроде Распутина при Николае II.

¹³ Железнодорожное сообщение между Парижем и Бордо было открыто 18 июля 1853 года.

Придя в отчаяние от перспективы быть арестованной и предстать перед судом присяжных, горничная закричала:

– Хорошо же! Коль дело оборачивается так и хозяйка не защищает меня, я вам расскажу все.

Знайте, эти украшения действительно принадлежат мне: я – любовница мадам, а для того чтобы уложить меня в свою постель, она подарила мне эти драгоценности...

Услышав это признание, граф с комиссаром спустились в комнату графини. Та, потеряв все свое хладнокровие, впала в нервный припадок и истерически зарыдала.

А горничная надменно перечислила всех своих “любовниц”. Среди них была и маркиза д’Ада. Служанка еще раз подтвердила свои права на драгоценности и в конце концов потребовала еще 80 000 франков за молчание...»¹⁴

Второй скандал случился также с дамой света, склонной к извращениям... Разразился он 31 января. В тот день стало известно, что маркиза де Бомон, урожденная Дюпюитрен, была обнаружена в публичном доме «во время занятий преступной любовью»...

Всех это весьма повеселило.

Увы! Главы государств не могут рассчитывать бесконечно на выходы своих подданных для того, чтобы повеселить страну. Эти истории были в скором времени забыты, и двор снова начал иронизировать по поводу бесплодия императрицы.

Опечаленные этим венценосные супруги в апреле отправились в Лондон, куда их пригласила королева Виктория. Растроганные оказанным им сердечным приемом, они в один из вечеров поделились с молодой, но уже многодетной королевой своей печалью по поводу отсутствия у них наследника. Виктория не любила витийствовать попусту, объясняться намеками:

– Экая сложность! А вы подкладываете под спину императрицы подушку!..

Совет этот был до того хорош, что спустя два месяца Евгения с радостью сообщила императору о том, что тот вскоре станет отцом.

---

¹⁴ Граф Орас де Вьель-Кастель. Мемуары.

Глава 3

Любопытный дневник графини де Кастильоне

После каждого любовного свидания она ставила в своем дневнике загадочный знак.

Клод Вилларе

8 сентября 1855 года после осады, продолжавшейся целых 12 месяцев, зуавы Мак-Магона взяли Севастополь.

Крымская война близилась к своему завершению.

Все заговорили о международном конгрессе, на который должны будут съехаться полномочные представители воюющих сторон для того, чтобы «найти пути разрешения восточного вопроса и прекращения боевых действий».

«Мы хотим заключить такой мирный договор, – писал один оптимистически настроенный журналист, – который заложил бы в Европе прочную основу мирной жизни на тысячу лет. Он должен, кроме того, навсегда стереть из нашей памяти воспоминания об унижении, полученном на Венском конгрессе...»

Этому мирному договору, которого все так ждали, суждено было оказать решающее влияние на судьбу одной восемнадцатилетней уроженки Пьемонта, которую друзья называли «самой красивой женщиной Европы»...

Звали ее Вирджинией Ольдони. Она жила в Турине в окружении восхищенных почитателей и носила после свадьбы, состоявшейся 9 января 1854 года, титул графини де Кастильоне...

Детство ее прошло довольно необычно.

В том возрасте, когда маленькие девочки обычно играют в куклы, за будущей графиней, чья красота уже тогда приводила в восхищение всех мужчин, ухаживали как за взрослой женщиной. Сознывая, какое желание она внушает начинавшим учащенно дышать при виде ее мужчинам, Вирджиния, говорят, шептала им, небрежно ухмыляясь и едва потупив свои зеленые глаза:

– Потерпите! Я скоро подрасту...

И всем хотелось крикнуть:

– Подрастай же скорее!

Когда ей исполнилось шестнадцать, людям, склонным к апоплексии, смотреть на нее, очевидно, было противопоказано.

Именно в этом возрасте она вышла замуж за Франческо Веразиса, графа де Кастильоне, который был старше ее на восемнадцать лет. Молодой супруг служил в то время при дворе короля Пьемонта Виктора-Эммануэля.

Спустя несколько недель после свадьбы она была представлена монарху. Тот, глядя на нее, проявил все признаки крайнего возбуждения. Он стал заикаться, покраснел и вынужден был в конечном счете «прикрыть шляпой неожиданное проявление быющего через край восхищения красотой графини».

Польщенная молодая женщина сразу же возмечтала о романтических и хулиганских приключениях в постели монарха.

Тогда, желая доставить ей удовольствие, Кастильоне наградил ее ребенком. Но разве мог он, неловкий, догадаться о том, что Вирджиния, которая на последних месяцах беременности не могла принимать многочисленных воздыхателей, толпами наводнявших ее гостиную, будет потом упрекать его в том, что он лишил ее удовольствия принимать знаки восхищения ею?

9 марта 1855 года она родила мальчика. Но ребенком она почти не занималась, предпочитая вести свой интимный дневник.

Этот дневник, обнаруженный в 1951 году в Риме Аленом Деко, представляет собой, условно, самый необыкновенный документ, о котором историк может только мечтать. Вирджиния видна в нем такой, какой она была в действительности, – со всеми ее слабостями, страстями, редкими порывами, чопорностью и удивительными манерами простолюдинки. Она рисовала букву В (перечеркнутую), когда ее целовали, букву F (перечеркнутую), когда ей адресовали комплимент, и буквы VF, когда она получала, смею сказать, промежуточные ласки...

Этот код вскоре стал использоваться для обозначения других тонкостей.

С некоторых пор друг ее детства Амброджио Дориа, с которым она некогда играла в Ла Специа, начал активно за ней ухаживать. После объяснения в любви этот воздыхатель стал более нетерпелив, и июльским вечером, взволнованная происшедшим, она написала:

«Пошла на мессу в девять часов. Возвращалась через сад. В моей комнате был Амброджио Дориа, прокрадываясь туда в то время, пока слуги спали. Я переделалась в белый пеньюар, распустила волосы. Мы до одиннадцати часов разговаривали на канapé. VF... Он ушел через сад...»

Это самое VF, на которое она так легко пошла, и определило ее дальнейшую любовную жизнь.

Дориа спустя несколько дней снова пришел к ней, воспользовавшись тем, что граф де Кастильоне отправился в гости к другу. Вирджиния написала в своем дневнике:

«Ужинала одна с Вимерати. Франческо ушел к Чигала. Она ушла сразу же по приходе Дориа. Мы с ним болтали в темноте. VF. VF...»

Этот пылкий Амброджио через пару дней, седьмого июля, заслужил право быть помеченным перечеркнутой буквой F...

Спустя несколько дней молодая графиня написала:

«Дориа снова был у меня. Оставался до 5 часов. Болтали у меня в спальне...»

Перечеркнутая F свидетельствует о направленности этой «болтовни»...

Поскольку «первый блин всегда комом», прекрасная Никия, как ее называли воздыхатели, на этом свои опыты не прекратила...

У Амброджио Дориа был брат по имени Марчелло. И вскоре в интимном дневнике появляется это имя. Начиная с 13 октября Вирджиния ставит следующие даты: 12, 5, 15, 19, 21, 5, 13, 20, 18, 17, 11, 3, 11, 9, 19, 1, 21, 5, 3, 12, 14, 9...

Что означает: *Марчелло был в моей постели...*

Сладостные упражнения Никии в постели с братьями Дориа вскоре перестали удовлетворять ее возросшие потребности и честолюбие. Она стала мечтать о королевских объятиях...

И вскоре ей представился неожиданный случай использовать свою красоту для получения такого наслаждения...

Кавур, первый министр Виктора-Эммануэля, доводившийся этой темпераментной графине кузеном, поставил перед собой великую цель: сделать из лоскутного полуострова единую Италию. Ибо в то время на ее нынешней территории существовали: королевство Савойского дома Пьемонт, Ломбардия, Венеция, провинции, занятые Австрийской империей, герцогства Пармское, Моденское, Тосканское, Папская область и Королевство обеих Сицилий.

Для того чтобы добиться объединения всех этих государств и изгнать австрийцев, нужна была поддержка какого-нибудь влиятельного европейского монарха, который пользовался бы

авторитетом и симпатией итальянцев. В конце 1855 года таким государем был только Наполеон III, чьи армии разгромили в Крыму войска русского царя...

Зная об огромной тяге французского императора к противоположному полу, Кавур решил обойтись без дипломатических демаршей и послать в Париж графиню Кастильоне с совершенно конкретной задачей: стать любовницей Наполеона III и склонить его на сторону людей, желавших объединения государств Апеннинского полуострова.

Поставленная Кавуром задача окрылила проинформированную обо всем Вирджинию, и у нее с того дня была одна-единственная цель: записать в свой интимный дневник: *«Болтали с Наполеоном III. F...»*

16 ноября 1855 года в восемь часов вечера в дверь сада перед домом Вирджинии постучал загадочный и таинственный незнакомец. Ожидавший его прихода и прятавшийся от дождя под деревом лакей Понджио бросился к двери, открыл ее и согнулся в низком поклоне. А потом почтительно проводил посетителя, направившегося быстрым шагом к дому.

Когда этот поздний визитер подошел к дому, распахнулась балконная дверь, и графиня Кастильоне, одетая в платье из черного бархата, присела в почтительном реверансе.

Самую красивую женщину Европы удостоил своим посещением король Пьемонта Виктор-Эммануэль...

Войдя в помещение, он снял мантию и сел у камина, в котором ярко пылали дрова.

Не менее горячим был и его взор, устремленный на четко вырисовывавшуюся под бархатом грудь Вирджинии. Руки короля остались, однако, лежать на подлокотниках кресла. Он ведь пришел к госпоже Кастильоне вовсе не для того, чтобы заниматься мальчишескими проказами.

Произнеся несколько любезностей, он серьезным тоном начал говорить об Италии, об оккупированных Австрией провинциях, о необходимости объединения страны, о той задаче, которую он решил поручить ей и которая касалась Наполеона III...

– Ваш дядя, генерал Чигала, – сказал он, – уже говорил с вами относительно нашего плана.

Мне просто захотелось лично спросить у вас, согласны ли вы послужить этим несколько необычным способом делу объединения страны...

Госпожа Кастильоне улыбнулась:

– Согласна, государь!..

Король удовлетворенно кивнул.

– Благодарю вас, мадам. Скоро мы вручим вам точные инструкции и шифр, с помощью которого вы сможете без малейшего риска поддерживать с нами переписку... Через несколько дней я должен буду уехать в Париж в сопровождении господина Кавура. Мы с ним все подготовим для вашего приезда.

В десять часов Виктор-Эммануэль покинул Вирджинию и вернулся к себе во дворец. Всю дорогу ему не давала покоя мысль о том, что если французский император и будет работать над делом объединения Италии, то с очень приятной стороны...

Итак, все было подготовлено к тому, чтобы графиня могла отправиться, как выразился Сент-Олер, «заниматься подушечной политикой» в постели Наполеона III.

20 ноября король Пьемонта сел в специально оборудованный для его августейшей особы вагон и через два дня оказался в Париже.

Император принял его исключительно хорошо и принялся расспрашивать об Италии, этой «любезной его сердцу стране», и о семьях, с которыми когда-то он был знаком.

Ответы Виктора-Эммануэля очень удивили выдавший виды императорский двор. Король с удовольствием рассказывал непристойные истории о дамах из высшего света Пьемонта, делая при этом многозначительные и «крайне неприличные жесты».

Оскорбленный таким поведением, граф де Вьель-Кастель написал вечером в своем дневнике:

«Король Пьемонта по разговору и манерам – вылитый младший армейский чин. Он часто наведывается к девицам легкого поведения и явно расположен оседлать всех дам. Разговор его более чем вольный, а вольность души даже не прикрыта кисеей сдержанности в выражениях: он любит выражаться грубо. Он, не стесняясь, рассказывает о своих любовных приключениях и, называя имена самых знатных дам в Турине, говорит просто: “Вот с этой я уже переспал” и тому подобное».

Когда кто-то завел разговор об одной из самых древних аристократических семей, король с улыбкой громко и отчетливо заявил, что спал и с матерью, и с дочерью¹⁵.

Наполеон III был более снисходителен, чем граф де Вьель-Кастель. Поняв, что король Пьемонта был таким же бабником, как и он сам, император постарался устроить все так, чтобы у гостя его сохранились о Франции самые наилучшие воспоминания...

Как-то вечером в «Опера», увидев, что Виктор-Эммануэль не сводит бинокля с некой прелестной танцовщицы, император прошептал:

– Вас заинтересовала эта малышка?

Пьемонтец опустил бинокль:

– Очень заинтересовала! Сколько она стоит?

Наполеон III улыбнулся:

– Право, не знаю... Но спросите у Бачьокки, он в этой области большой специалист...

Виктор-Эммануэль обернулся к первому камергеру, которого все звали «великим устройтелем развлечений и удовольствий императора».

– Вы знаете вон ту балерину?

– Третья справа? Это Эжени Фикр... Она прелестна и сговорчива. Про нее написано вот такое четверостишие:

Этой крыске гадкой Эжени

Много вынужден платить паша!

– Денег дай, – пищит она, – потом взгляни

На мои антраша...

Виктор-Эммануэль покраснел как рак:

– И сколько? – спросил он.

– О, сир!.. Вашему Величеству это обойдется всего в пятьдесят луидоров...

– Дороговато, черт побери!

Тут в их разговор вмешался Наполеон III:

– Бачьокки, запишите их на мой счет!..

А в то время, как Виктор-Эммануэль рассказывал о своих похождениях и проводил время с танцовщицами, Кавур действовал. Он встретился с графом Валевским, ставшим министром иностранных дел, и постарался заинтересовать его и приобщить к делу объединения Италии. Но больше всего он старался – и очень удачно – подготовить приезд госпожи Кастильоне.

Ибо, как сообщает нам Ален Деко (постоянно говоривший о красивейшей женщине Европы), «действительно, как бы удивительно и романтично это ни казалось со стороны, проводилась настоящая подготовка приезда Вирджинии в Париж»¹⁶. Восхищенным собеседникам Кавур описывал красоту ее лица, элегантность, расхваливал прелести зеленоглазой графини...

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ **Ален Деко.** Кастильоне – любимая женщина Европы.

Кое-кто уже начал с надеждой спрашивать:

– А не собирается ли она приехать когда-нибудь в Париж?

Итальянский первый министр пожимал на это плечами:

– Как знать...

Вскоре вся французская столица только и говорила, что о госпоже Кастильоне.

И тогда Виктор-Эммануэль с Кавуром уехали в Англию на чествование королевы Виктории. Оттуда они вернулись в Турин.

Вирджиния, получившая за несколько дней до их приезда от тайного агента шифр, с помощью которого ей следовало вести переписку с Кавуром, была занята укладкой багажа.

Подготовка к отъезду ни в коей мере не мешала ей заниматься багателью, о чем свидетельствует запись в ее интимном дневнике:

«Среда, 12 декабря. Укладывала ящики, работала. В час в мою комнату на канapé пришел Дориа. Болтали Р. до трех часов»¹⁷.

При таком темпе сборов на укладку багажа ей потребовалась целая неделя.

17 декабря, накануне отъезда Вирджинии, ее снова навещил Амброджио Дориа. Со слезами на глазах, чтобы попрощаться. Она постаралась его утешить.

Г. Г.

«В моей гостиной Дориа на канapé, потом сидя у огня...»

Спустя несколько часов после этого, в то время, как она застегивала замки чемоданов, слуга объявил, что к ней с визитом прибыл король. Она немедленно догадалась о цели его прихода и, прежде чем пригласить Виктора-Эммануэля в гостиную, отослала всех слуг. О чем шла речь во время этого визита? Никто этого не узнает. Но прежде чем расстаться с той, в «чьи красивые руки» он вложил судьбу Италии, Виктор-Эммануэль не смог сдержать прекрасный порыв. И в саду, несмотря на неподходящие условия и плохую погоду, проявил себя пылким любовником, что и подтверждено вот таким отрывком из дневника Вирджинии:

«В 11 часов он собрался уходить. Я пошла проводить его в сад, и там он меня пять раз... Р... Я потом отправилась в уборную, чтобы привести себя в порядок».

Король сделал это, если можно так выразиться, «на посошок», ибо на другой день госпожа Кастильоне покинула Турин.

После того как ей воздал почести король, она отправилась в Париж, чтобы там ее обесчестил император...

---

¹⁷ Напомним, что буква Р означает, что госпожа Кастильоне подарила ему себя.

Глава 4

Госпожа Кастильоне соблазняет Наполеона III по приказу короля Пьемонта

*Когда дипломат терпит неудачу, остается только одно средство
– женщина...*
Турецкая пословица

Перед тем как отправиться во Францию, Вирджиния решила заехать во Флоренцию, чтобы повидаться с матерью. Там по счастливому стечению обстоятельств она встретилась с графом Лио Бентивольо. Этот пылкий сорокалетний красавец знал ее еще девочкой. И теперь она первой бросилась ему на шею. По старой памяти.

Граф был человеком впечатлительным и мечтательным. Он сразу же представил себе, как усадит ее на колени (как делал это пять лет тому назад) и поиграет в игру «ванька-встанька»...

Вечером того же дня он рассказал ей униженно, но убедительно о своем желании восстановить старую связь...

Молодая графиня, польщенная возможностью получить неожиданные почести, только улыбнулась в ответ. Преисполнившись надежд, Бентивольо решил проводить ее до Генуи, где она должна была сесть на корабль, и воспользоваться отчаянием отъезда для того, чтобы пробраться в ее постель...

– Я должен отплыть в Сирию, – сказал он (его только что назначили консулом Франции в Алеппо), – но я вас провожу¹⁸.

Вирджиния легонько шлепнула его по пальцам своим веером. Из этого он понял, что был на правильном пути.

Спустя два дня они прибыли в Геную, где графиню Кастильоне поджидал супруг. Но его присутствие ничуть не помешало консулу, который в суматохе последних приготовлений к отплытию сумел между двумя штабелями ящиков убедиться опытной рукой в том, что его надежды не беспочвенны. Миниатюрная графиня больше не ударила его веером, а ночью 25 декабря она предоставила свое великолепное тело в полное распоряжение Бентивольо...

Граф Лио опьянел от радости. Никогда в жизни у него не было такого шикарного рождественского подарка. Он сказал об этом Вирджинии, и та пообещала быть с ним до самого отплытия.

Упоение любовников друг другом продолжалось целых десять дней. Для молодой женщины эта любовная связь была поучительной, приятной и безопасной. Поскольку граф Кастильоне, с нетерпением ожидая прибытия судна из Марселя, не отрывал глаз от горизонта, даже и не подозревая того, что его супруга уже привыкла к качке на широкой постели под килем Бентивольо.

Для консула эти десять дней были периодом полнейшего счастья. Позднее он напишет Вирджинии:

«Я любил тебя, когда тебе было двенадцать или даже десять лет, и буду любить всю жизнь. Я знал, что любил кого-то до того, как признался в любви тебе, но не понимал, что любил-то я именно тебя. Сердце мое распахнулось, глаза раскрылись только в тот день, когда ты приехала во Флоренцию и я поцеловал тебя в лоб в комнате твоей матушки. Ты вошла,

---

¹⁸ Бентивольо, итальянец по происхождению, имел французское подданство. При дворе Наполеона III он исполнял обязанности распорядителя охоты.

откинула вуаль, и я понял, что это – настоящая любовь: единственная, живая, могущественная и жестокая, которая причинит мне большую радость или большую печаль».

Большой любитель все уточнять, он упомянул в письме «о воспоминаниях о периоде с вечера 25 декабря 1855 года по утро 4 января 1856 года», добавив при этом:

«Ах, каким упоительным был конец 1855 года и начало 1856 года! Бог мой! Это было дивным сном. Следует ли мне и впредь считать его таковым?»

Консул был настолько очарован, что у него в конце концов стало появляться что-то вроде галлюцинаций. Хотя все, что ему виделось, имело место в реальности. Как выразительно написал Ален Деко: «Сон Бентивольо был вполне осязаем, и это подтверждено тем фактом, что месяц спустя у Вирджинии в определенном месте появились некоторые неудобства. Она немедленно написала Бентивольо, возлагая ответственность за это на него, что с ее стороны было утверждением довольно смелым, если принять во внимание ее встречи перед отъездом с Виктором-Эммануэлем и Амброджио Дориа¹⁹.

Огорченный Бентивольо ответил незамедлительно:

«Даю Вам слово, что ни разу не бывал в Casa del diavolo²⁰, от которого могли бы пойти столь неприятные последствия. Я могу поклясться здоровьем моей матери в том, что я невинен, как новорожденный младенец. Однако, если Вас это сильно беспокоит, следует принять надлежащие меры...»

На восьмой день отплытия из Италии, 4 января 1856 года, Вирджинию пока еще ничто не беспокоило. Придя в крайнее возбуждение от предстоящего плавания из Генуи в Марсель, она носилась по комнатам, обнимая поочередно то Бентивольо, то приехавшего проститься Дориа, то мужа, который, однако, уезжал вместе с ней...

Сделав короткую остановку в Марселе, супруги Кастильоне прибыли 6 января в Париж и разместились в роскошных апартаментах, снятых для них агентством по найму недвижимости в антресолях дома номер десять по улице Кастильоне... Сбросив дорожное платье, Вирджиния распахнула окно своей комнаты, посмотрела на деревья парка дворца Тюильри и улыбнулась. По воле коварного случая она поселилась не только на улице, носящей одно с нею имя, но и рядом с дворцом, где жил человек, которого ей предстояло соблазнить.

9 января госпожа Кастильоне с блеском ворвалась в высший парижский свет. В гости к принцессе Матильде²¹ она пришла с розовыми перьями в волосах. «Она была похожа, – сообщает очевидец граф де Райзет, – на маркизу прошлых времен, украсившую свою голову королевской птицей».

Все стали восторгаться ею, окружили, наговорили кучу комплиментов. Тут вдруг объявили о прибытии императора. Госпожа Кастильоне побледнела. В зал вошел мужчина, которого она должна была приобщить к делу объединения Италии. Она-то представляла себе его высоким, величественным, грозным. А он оказался человеком маленького роста, слегка согбенным, семенящим на коротких ножках и обводящим присутствующих туманным взором своих голубых глаз.

Принцесса Матильда представила монарху графа и графиню Кастильоне. Тут во взгляде императора появились некоторая живость и явная заинтересованность декольте Вирджинии. Все гости наблюдали за этой сценой в глубоком молчании. Прошло несколько секунд, и Напо-

---

¹⁹ Ален Деко. Кастильоне – любимая женщина Европы.

²⁰ Буквально: «дьявольское логово» (итал.).

²¹ Принцесса Матильда, часть детства проведшая со своим отцом, королем Жеромом, во Флоренции, была хорошо знакома с дедом Вирджинии, Антонио Кампорекьо. Тот был советником находившегося в изгнании семейства Бонапартов.

леон III принялся с возросшим интересом подкручивать усы. А потом сказал молодой женщине комплимент. Все женщины навострили уши: что же ответит на это Вирджиния?

Молодая графиня, впервые в жизни почувствовав дрожь в коленях, не нашла что ответить и только опустила самый очаровательный в мире носик.

Тогда слегка разочарованный император отошел от нее и произнес, как обычно, громко: – Она красива, но, кажется, не очень умна!

Легко догадаться, что эти слова стали бальзамом для всех присутствующих женщин, которые с момента появления красавицы Вирджинии в гостиной принцессы Матильды улыбались ей с явным намерением укусить...

Но не прошло и нескольких дней, как Вирджиния сумела взять реванш.

26 января она пришла с мужем на бал, устроенный бывшим королем Жеромом, как раз в тот самый момент, когда Наполеон III собрался уже уходить. Узнав графиню, монарх поклонился и вежливо произнес:

– Вы приехали слишком поздно, мадам...

Присев в реверансе, Вирджиния ответила:

– Это вы, сир, уезжаете слишком рано... Слова, которыми она ему ответила, были самыми обыкновенными, но произнесены были таким нахальным тоном, что все, кто их слышал, просто опешили. Что же касается Наполеона III, то он посмотрел на прекрасную флорентийку другими глазами, поняв, что ее игривый тон был явным приглашением к фривольному диалогу.

Вечером того же дня граф Бачьокки, про которого Вьель-Кастель сказал: «Он поставлял в постель своего хозяина женщин и девиц для удовлетворения похоти императора», получил приказ внести имя Вирджинии в список «текущих приглашений» и в список «специальных приглашений»...

Рыбка клюнула.

И очень своевременно.

16 января русский царь признал свое поражение. И в газетах было объявлено о том, что в феврале в Париже должен собраться мирный конгресс. Парижане уже начали вывешивать в окнах своих домов флаги. Уже началась подготовка к балам.

Кавур, готовясь выехать из Турина в Париж для того, чтобы принять участие в работе этого конгресса, написал Вирджинии:

«Добейтесь своего, кузина! Делайте все, что хотите, но добейтесь...»

Его советы были излишни. Графиня Кастильоне уже знала, каким путем она сможет уговорить Наполеона III вступить за интересы Италии во время подписания мирного договора. Но для этого ей надо было увидеться с ним еще раз. И причем как можно скорее.

Поэтому можно понять, с какой радостью она приняла приглашение Его Величества на бал, который он давал во дворце Тюильри 19 января.

Рыбка не только заглотила наживку, но и начала тянуть за леску...

Оставалось ее только подсечь...

В девять часов вечера 19 января церемониймейстер императора громко объявил:

– Граф и графиня Кастильоне!

Все присутствующие повернули головы ко входу. Ослепительно красивая Вирджиния в серебристо-голубом (под цвет глаз) платье впервые вступила в Тюильри.

Почти не касаясь пола, она проследовала за мужем в «Маршальский зал», где восседали на тронах Их Величества.

Приблизившись к Наполеону III, она грациозно присела в реверансе, позволив императору похотливо заглянуть в очень смелое декольте. И это, по свидетельству очевидцев, «заставило его задрожать всеми фибрами души».

После реверанса графиня умело посмотрела в глаза монарху, а затем направилась в зал для игр и стала поджидать его, уверенная в силе своего обаяния.

Ждать ей пришлось очень недолго, поскольку буквально через пару минут император покинул трон и присоединился к молодой графине. На другой день в ее интимном дневнике появилась такая запись:

«Император пришел поговорить со мной. Увидев это, все окружили (sic) меня. Я смеялась».

Она могла позволить себе смеяться, поскольку ее «задание» продвигалось.

В последующие дни император проявил в ее присутствии признаки все возрастающего нетерпения, о чем свидетельствуют такие записи в ее интимном дневнике:

«Суббота, 5 февраля. – Была на бале-маскараде, который давал мсье Ле Он. Разговаривала с императором.

Четверг, 21 февраля. – Уложила волосы с пудрой, украсила их жемчугами и перьями и отправилась на концерт в Тюильри, на котором присутствовали одни дипломаты. Отужинала, поболтала с императором...

Понедельник, 25 февраля. – Была на концерте в честь открытия мирной конференции...»

Тем вечером у Вирджинии состоялся серьезный разговор с императором на политические темы, поскольку прибывший в Париж Кавур написал своему другу Луиджи Чиббаро, исполнявшему в Турине обязанности министра иностранных дел в отсутствие Кавура:

«В понедельник, 25 февраля, состоялся наш выход на сцену. Предупреждаю Вас, что я задействовал для этого очень красивую графиню де ХХХ и поручил ей очаровать, а если удастся, и соблазнить императора.

Она незаметно приступила к выполнению задания вчера на концерте в Тюильри. Прощайте».

Объединение Италии шло в нужном направлении...

Пока Вирджиния незаметно трудилась на благо своей страны, Париж весело отмечал начало работы конгресса. Во всех кварталах города царила атмосфера праздника, поскольку в очередной раз простолюдины поверили в то, что будет заключен мир на вечные времена...

И радость народа резко возросла 27 февраля из-за одного довольно забавного происшествия с Александром Дюма.

Автор «Трех мушкетеров» жил на улице Риволи с молодой женой Идой Ферье, смазливой актрисой с очень низкими моральными устоями. Она занимала второй этаж, а он жил в трех комнатах на пятом этаже.

Как-то раз он отправился на бал в Тюильри. А уже спустя три четверти часа вернулся домой, весь дрожа. Открыв дверь в квартиру жены, он с ворчанием прошел в спальню Иды.

– Отвратительная стоит погода. Хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Я поскользнулся и упал в грязь. На бал теперь идти не могу, да и не хочу. Лучше поработаю у тебя.

Ида попыталась было выпроводить его на пятый этаж.

– Не пойду, – ответил на это Дюма. – Там у меня холодно, а у тебя здесь хорошо натоплено. Я остаюсь здесь...

Взяв бумагу, перо и чернила, он уселся у камина.

Прошло полчаса. Потом дверь туалета открылась и на пороге показался почти голый Роже де Бовуар. Стуча зубами, он произнес:

– Послушайте, мне надоело мерзнуть в туалете!

Дюма поначалу удивился, потом разозлился и стал бранить любовника жены. Как человек, привыкший писать для театра, он на ходу сочинил высокопарную тираду и, произнеся ее, был явно доволен собой.

Наконец Александр царственным жестом указал на дверь со словами:

– А теперь, мсье, освободите мой дом от вашего присутствия. Мы с вами поговорим завтра!

На улице завывал ветер, по стеклам окон стучали капли дождя. Смягчившись, Дюма сказал Бовуару:

– Но я не могу выгнать вас на улицу в такую погоду. Присядьте к огню. Спать будете вот в этом кресле.

И, уткнувшись в свои бумаги, продолжил работать.

В полночь он лег в постель к Иде и задул свечи. Спустя некоторое время огонь в камине погас, и Дюма услышал, как Роже де Бовуар стучит зубами.

– Держите, мсье де Бовуар, мне не хочется, чтобы вы подхватили простуду.

И он бросил ему одеяло.

Но красавчик де Бовуар продолжал дрожать. Дюма услышал, как он пытался развести огонь с помощью последних дров.

– Послушайте, мне совсем не хочется, чтобы вы заболели, – сказал он. – Идите в постель.

А завтра поговорим.

Бовуар не заставил себя просить дважды и быстро юркнул под одеяло к Иде и Александру. Через пару минут эта троица заснула сном невинного младенца. В восемь часов утра Александр Дюма, проснувшись первым, с улыбкой потряс Бовуара за плечо:

– Я полагаю, что мы не станем ссориться из-за женщины, пусть она и моя законная жена, – сказал он. Это было бы неразумно.

А затем, схватив руку Роже, он положил ее на греховную часть тела супруги и произнес следующие великолепные слова:

– Роже, давайте помиримся, как древние римляне, на лобном месте...

Глава 5

Ночью во время праздника Наполеон III становится любовником госпожи Кастильоне

Если на празднике не посетишься, то праздник проходит скучно.
Жюль

Вечером 15 марта императрица, бывшая на последнем месяце беременности, начала кричать, что сейчас родит.

Во дворце поднялась суматоха.

Врачи, принцы, вельможи, которым было положено присутствовать при рождении императорского дитя, метались и бегали в разные стороны. Случайно вернувшаяся к этому времени из Испании госпожа де Монтихо громко давала советы, которые никто не слушал. Император со слезами на глазах семенил из зала в зал...²²

Самые смешные в истории роды начались...

Вначале один из хлопотавших над Евгенией врачей, господин Жобер де Ламбаль, вдруг почувствовал расстройство желудка, потерял сознание и рухнул на ковер. Пришлось быстро отнести его в соседнюю комнату и привести в чувство.

Потом стало плохо заплаканному императору. Его увели в гостиную, уложили на канapé. Он продолжал вздрагивать всем телом от рыданий.

Наконец, в три часа утра Евгения, громко вскрикнув, родила императору наследного принца.

Доктор Конно побежал за императором:

– Сир... Родился мальчик!.. Идите же, сир!..

Шатаясь от волнения, Наполеон III бросился в комнату императрицы, но зацепил носком ботинка за край ковра и упал в объятия Конно. На помощь доктору устремились стражники. Они-то и донесли монарха до кровати Евгении, которая была в легком обмороке. Очнувшись, она слабым голосом спросила:

– Ну что? Девочка?

Император упал на колени и пробормотал:

– Нет!

Глаза императрицы заблестели от радости:

– Значит, мальчик?!

Ничего не соображавший Наполеон III снова отрицательно замотал головой:

– Нет.

Евгению охватило отчаяние.

– Так кто же тогда родился?

Вперед поспешно выступил доктор Дюбуа:

– Сын, Ваше Величество, сын!..

Императрица прервала его:

– Нет! Родилась девочка, но вы это от меня скрываете. Я желаю знать правду!

Доктор поднял новорожденного и продемонстрировал всем присутствующим «части тела, благодаря которым младенец является принцем мужского пола».

Все захлопали в ладоши.

---

²² Персиньи написал лорду Мальсбюри: «Император ни на секунду не покинул комнату жены. Он находился в неописуемом волнении. Пятнадцать часов он беспрерывно всхлипывал».

И тут император, придя внезапно в крайнее возбуждение, вскочил и помчался в сторону гостиных, где его ждали, сбившись в одну нетерпеливую толпу, сановники, придворные и дворцовые слуги.

– Сын! У меня родился сын! – крикнул император. Опьянев от радости и будучи не в состоянии управлять собой, он бросился к первому попавшемуся, обнял его и облобызал...

Увидев перепуганные лица людей, он взял себя в руки и вспомнил о своем императорском достоинстве. Смутившись, он пробормотал:

– Я, к сожалению, не могу расцеловать вас всех!.. Но хочу поблагодарить вас за ваше участие!

Потом, на ходу утирая глаза, он вернулся в спальню императрицы...

Можно было бы предположить, что вся эта буффонада закончилась. Но не тут-то было.

В четыре часа утра господин Фуль, управляющий делами императорской семьи, объявил о том, что он закончил оформление свидетельства о рождении. И с поклоном протянул документ первому принцу крови – Наполеону.

Но Плон-плон был ужасно недоволен: до самого последнего момента он надеялся на то, что Евгения все-таки родит девочку. Но появление на свет принца, отнявшего у Плон-плона титул законного наследника престола, навсегда отдалило его от трона...

Зло сверкнув глазами, он отказался подписывать свидетельство о рождении.

Удивленный господин Фуль стал настаивать, сказав, что подпись Его Высочества просто необходима. В ответ Его Высочество замотал головой и топнул ногой:

– Нет!

И за этим последовало совершенно неожиданное: Плон-плон стремглав вылетел из гостиной.

Началась необычная погоня. Принц Мюрат, Морни, Фуль и председатель Государственного совета Барот бросились вслед за принцем Наполеоном с криками:

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! Подпишите!

Но Плон-плон, несмотря на свою дородность, продолжал бегать по дворцу. Наконец беглец и его преследователи оказались в маленькой гостиной, где дремала на диванчике принцесса Матильда. Топот шагов заставил ее проснуться.

– Что здесь происходит?

Господин Фуль почтительно объяснил, что Его Высочество не желает подписывать свидетельство о рождении имперского принца. Она пожала плечами:

– Вы что же это, братец, не понимаете, что подпишете вы этот документ или нет, от этого абсолютно ничего не изменится? Имперский принц уже родился! И тут вы бессильны что-то сделать!..

После этих слов принц Наполеон был вынужден взять в руки протянутое господином Фулем перо. Но вместо подписи он в раздражении поставил внизу документа огромную чернильную кляксу. Управляющему делами императорской семьи пришлось довольствоваться этой своеобразной подписью...

Госпожа Кастильоне, узнав о рождении престолонаследника, очень обрадовалась. И подумала, что теперь, когда императора перестали глотать заботы относительно беременности императрицы, он сможет принадлежать любовнице и душой, и телом.

Уверенная в своей неотразимости, Вирджиния с того дня начала вести себя крайне нахально. Она стала появляться при дворе в таких смелых декольте, что однажды вечером полковник Галифе, указав на ее почти полностью обнаженную грудь, сказал:

– Теперь я отлично узнал этих великолепных повстанок! Но смотрите, графиня, как бы одежды мужчин не стали сегодня им слишком тесными!..

Фраза была пошлой, но заставила Вирджинию улыбнуться. По правде говоря, она любила сальные шутки. Как-то раз на вечере у госпожи де Порталес господин Вимеркати, протягивая ей коробочку с леденцами, спросил:

– Графиня, не желаете ли пососать?..

– Смотря что, – ответила Вирджиния и залилась похотливым смехом.

У стоявших рядом ко многому привыкших придворных отвисли челюсти...

Майским утром 1856 года Вирджиния проснулась в дурном настроении. Отбросив простыни из черного шелка²³, она поднялась с кровати, сняла ночную рубашку и, подойдя к большому зеркалу, принялась разглядывать свое тело. Разглядывала она его долго, с любовью. Полюбоваться, действительно, было чем: об этом теле мечтали все мужчины при дворе. Устремленные к небу груди²⁴, чуть выделяющийся живот, безупречной формы бедра, волнующий зад, «курчавый лесок»... Она вздохнула...

Дело было девятого мая. Следовательно, прошло уже ровно четыре месяца с того дня, как она впервые увидела Наполеона III, а желание его обладать ею проявлялось лишь в подергивании себя за ус, в блеске взгляда или неожиданной краске смущения на лице. Но ни разу еще монарх не попытался увлечь ее на канапе. Мало того, он не допускал в отношении ее ни одного из тех быстрых, но точных жестов, которые говорят больше, чем поэма, и которые супруга кременца посчитала бы за великую честь...

Знавшая галантную репутацию французского императора, Вирджиния была крайне удручена его сдержанностью.

Что же ей следовало предпринять для того, чтобы вывести Наполеона III из состояния этой удивительной сдержанности? Молодая женщина подумала, что самым простым способом будет показать ему, что не одно только ее смазливое личико, но и все остальное представляет собой «лакомые кусочки» для императора.

А поскольку госпожа Кастильоне полумер не признавала, то она решила отправиться в Тюильри в такой одежде, которая не смогла бы скрыть ни одной части ее тела.

Предприятие это было довольно смелым. Но удачным. Вот что говорит граф де Моньи, очевидец этого появления в императорском дворце едва одетой графини:

«Никогда не забуду того костюмированного бала в Тюильри, на котором она появилась полунагой, словно античная богиня. Это было как взрыв, как революция. Она представляла собой **римлянку периода упадка**: ее густые шелковистые волосы были распущены и лежали на великолепных плечах, разрез на боку платья позволял увидеть почти всю ногу, затянутую в шелковый чулок, от начала бедра до совершенной формы ступни, на каждом пальце которой было надето по перстню. На ногах ее были почти невидимые крошечные сандалии. Впереди нее шагал, раздвигая толпу, граф Валевский, а вел ее под руку граф де Фламаран, выглядевший довольно импозантно и привлекательно, даже несмотря на то, что он давно уже вышел из галантного возраста. Она прибыла во дворец к двум часам ночи, когда императрица уже удалилась, и появление ее вызвало невообразимый переполох. Ее окружили, все стали толкаться, стараясь получше ее рассмотреть. Женщины, потеряв голову и совершенно позабыв правила этикета, взобрались на банкетки для того, чтобы все видеть. Что же касается мужчин, то они все были буквально загипнотизированы»²⁵.

---

²³ Она спала на черных простынях для того, чтобы оттенять молочную белизну своего тела.

²⁴ Хорошо рассмотревший ее Вьель-Кастель написал: «Гордая графиня не носит корсета. Она с удовольствием стала бы позировать Фидию, если бы он жил в наше время. И позировала бы только в украшении своей красоты. Грудь ее просто восхитительна: она вздымается вверх, как у юных мавританок. На теле нет ни единой складки или морщинки. Одним словом, грудью своей она как бы бросает вызов всем женщинам». Мемуары.

²⁵ **Граф де Моньи.** Мемуары о Второй империи: конец общества.

Поскольку женщины встали на канapé и банкетки, а к лицам мужчин прилила кровь, можно себе представить, что император тоже не остался равнодушным. Прищурившись, он внимательно оценил то, что Вирджиния до сих пор от него скрывала, и принял правильное решение.

На следующий день он, движимый врожденной склонностью к водевилю, отправился к императрице, чтобы попросить ее пригласить госпожу Кастильоне на прогулку в загородную резиденцию.

Спустя три недели лакей в ливрее императорской прислуги принес Вирджинии письмо следующего содержания:

«Дорогая мадам,

По поручению императрицы я должна передать Вам приглашение посетить в пятницу Вильнев-л'Этан и сообщить, что Вас просят быть в закрытом платье и шляпке, поскольку предстоит прогулка по озеру и парку. С радостью жду встречи с Вами в этом райском уголке, дорогая мадам. Прошу Вас принять выражения искренней дружбы...

Эмили де Лас Марисмас»

Из этого письма Вирджиния поняла, что ей удалось ускорить развитие событий.

В пятницу вечером она прибыла в Вильнев-л'Этан в закрытом платье из прозрачного муслина и в шляпке с оторочкой из пуха белого марабу.

«О, этот туалет для прогулок, – написала графиня Стефани де Лапажри, – сколько надо было иметь добродетели для того, чтобы устоять перед ним! А ведь на подобных встречах мужчины отнюдь не терзались угрызениями добродетели!..»

Наполеон III был покорен окончательно!²⁶ Он бросился к Вирджинии и, пока шла церемония открытия ночного праздника, увлек молодую женщину к пруду, где стояли лодки, украшенные венецианскими фонарями. Одна из них была вся усыпана цветами.

– Вот эта лодка – моя, – сказал он. – Не желаете ли сплавать на остров?

Вирджиния села в лодку, а император взялся за весла.

Спустя минуту они уже плыли по молчаливой глади пруда.

Увидели их снова только спустя два часа. У Наполеона III была несколько помята прическа, а прекрасное платье Вирджинии выглядело не столь свежим...

Все гости, естественно, стали шутить на этот счет, а граф де Вьель-Кастель на другой день написал в своем «Дневнике»:

«На последнем празднике в Вильнев-л'Этан графиня Кастильоне надолго заблудилась на острове посреди маленького озера. Вернулась она оттуда, как мне сказали, несколько помятой, и императрица не смогла скрыть своей досады...»

Бедная Евгения. Ведь это было ее задумкой: потребовать, чтобы все приглашенные женщины были в закрытых платьях. Но она не предусмотрела опасности, которую таила в себе прогулка на лодке...

Начиная со следующего дня всем парижанам стало известно, что император стал в загородных полевых условиях любовником госпожи Кастильоне. Вскоре все стали распевать вот такую песенку:

---

²⁶ «Не было ни одного мужчины, вплоть до хозяина вечера, кто не восхищался бы вслух прекрасной итальянкой. Мне показалось, что он очень скоро забыл о том, что вся Европа была изумлена его женитьбой по любви и все еще не оправилась от этого изумления. Что же касается ее, то она показала мне человеком совершенно спокойным и хладнокровным, тщательно обдумывающим свои поступки и прямо идущим к поставленной перед собой цели...» **Графиня Стефани де Лапажри.** Мое пребывание в Тюильри.

Едва графиня свой тугой корсет
Успеет снять,
Как прямо к Баденге в постель
Она бросается бежать.
Гей, гей, ларилель,
Прямо к Баденге в постель.
Она и урчит, и ластится, припав
К груди императорской столь дорогой,
А он, подол рубахи задрав,
«Пыл» ей мужской демонстрирует свой.
Гей, гей, ларирой,
«Пыл» великий свой мужской.
Но ее ничто не удивит,
Ибо из окна ее колонна
Видится другая: то стоит
Память первого Наполеона.
Гей, гей, ларирона,
Первого Наполеона²⁷.

Эта песенка очень понравилась Вирджинии...

Хотя госпожа Кастильоне любила слушать сальные анекдоты и сама была не прочь поговорить на флиртующие темы, она во время любовных игр с императором не допускала ни единой пошлости.

В постели с ним она представляла, что выполняет задание родины, и получала наслаждение с серьезным видом, а когда монарх просил ее оказать ему одно из тех удовольствий, которые дарят друг другу только любовники, она, не отказываясь, устремляла взор на родной полуостров...

В перерывах между занятиями любовью она очень ловко переводила разговор на свою страну, говорила о недостатках поделенной на несколько государств Италии, очень правдоподобно плакала и следила за реакцией Наполеона III.

А ночью в Турин отправлялось зашифрованное донесение.

Таким образом, как сообщил нам Ален Деко, «она смогла привить императору чувство симпатии к Италии и очень часто информировала Кавура о состоянии ума и настроениях французского монарха...».

Эта тайная деятельность продолжалась вплоть до самого июля.

Ибо потом Наполеон III уехал из Сен-Клу на воды в Пломбьер.

А Вирджиния осталась скучать в Париже.

Но она зря полагала, что осталась одна. Ибо министр внутренних дел, с недоверием относившийся к этой слишком уж красивой и шумной итальянке, приставил к ней своих соглядатаев. За ней всюду следили, ее разговоры записывались, за встречами ее подглядывали. Дошло до того, что стали вскрывать ее письма, что, впрочем, не принесло никаких результатов, поскольку красотка была очень хитра. Она сумела всего лишь улыбкой добиться от Генерального управляющего почт, чтобы ее корреспонденцию доставляли в посольство Королев-

---

²⁷ Напомним, что дом на улице Кастильоне, где в то время проживала Вирджиния, находился неподалеку от Вандомской площади, где Наполеон I установил вывезенную из Египта стелу. Сейчас это площадь Согласия. – *Примеч. пер.*

ства Сардинии. Для большей безопасности она соблазнила секретаря этого посольства графа де Пулига.

Этот милый человек был до такой степени влюблен в нее, что написал ей:

«Я расстался с Вами, испытывая такую боль в сердце, что на улице почувствовал, что мое лицо все залито слезами... Когда я Вас покидаю, мне кажется, что все струны моей души сейчас лопнут вместе с внутренностями».

Естественно, этот идолопоклонник никогда бы не осмелился передать полиции письма из Пьемонта, приходившие на имя Вирджинии...

Все лето, несмотря на неусыпную слежку, графиня продолжала поддерживать переписку с Кавуром, не давая карт в руки всех подозревавшего министра внутренних дел.

Вернувшись из Пломбьера, Наполеон III незамедлительно доказал Вирджинии, что разлука нисколько не охладила его пыл. Продемонстрировав это с юношеским задором, он отправился перевести дух в Биарриц. По возвращении оттуда он, по-прежнему влюбленный, пригласил госпожу Кастильоне в Компьень²⁸.

Двор был поражен. Это означало, что любовница императора будет жить под одной крышей с императрицей? Но что на это скажет Евгения?

Евгения не сказала ничего.

Несмотря на чувство ревности и огорчение, она решила, что разумнее всего будет промолчать. Тем более что она прекрасно знала своего легкомысленного и непостоянного в своих привязанностях муженька и была поэтому уверена в том, что госпожа Кастильоне не сможет надолго занимать его сердце.

Для Вирджинии месяц, проведенный в Компьене, был сплошным праздником. Днем весь двор восхищался ее нарядами, а ночью император по достоинству оценивал их отсутствие. Когда все ложились спать, он пробирался в комнату Вирджинии и демонстрировал ей великолепный образчик мужской силы...

Поскольку все относились к госпоже Кастильоне как к официальной фаворитке, она возомнила себя мадам Помпадур. С некоторых пор ее высокомерие вышло за рамки приличия. Некий журналист написал восторженные слова об ее красоте, а она добавила – совершенно серьезно – следующие строки:

«Всевышний не знал, что делает, когда производил ее на свет. Он так прилежно ее лепил, что когда закончил, потерял голову, увидев этакое великолепие...»

Она разрешила сфотографировать свои ступни, щиколотки, руки и плечи, носила свою красоту по различным салонам так, будто речь шла о церковной раке, которую все должны были почитать. Дошла в своей смелости до того, что стала носить такие же прически и украшения, как и императрица. С женщинами она вообще перестала разговаривать.

Такое поведение, разумеется, возмущало весь двор. И лукавая госпожа Меттерних однажды вечером выразила общее мнение всех придворных, сказав в адрес госпожи Кастильоне, что та – «скотина, которую следовало бы прирезать».

---

²⁸ Императорский двор ежегодно с середины октября по середину ноября проводил в Компьене. Туда Наполеон III приглашал «сериями» всех, кого Франция считала людьми знаменитыми. Каждая «серия» жила в Компьене неделю. Существовала «дипломатическая серия», «военная серия», «серьезная серия», состоявшая из официальных лиц, «эlegantная серия» и так далее. Все придворные мечтали получить приглашение на эти празднества, которые очень быстро получили название «компьеней».

Над этой фразой посмеялись. Это было не самое крепкое выражение, но оно было высказано к месту. Доказательством этому вскоре послужили три фразы, великолепные по своей глупости, которые итальянка написала на своей фотографии: *«Рождением своим я равна самым высокопоставленным дамам. Красотой своей я их превосхожу. Умом своим я их сужу!»*

Раздраженный такой чопорностью Мериме, в чьи обязанности в Компьене входило крутить ручку механического пианино, под музыку которого танцевал двор, заявил как-то вечером:

– Как она мне надоела! Ее наглость выводит меня из себя, и мне часто хочется задрать ей юбки и нашлепать по заднице. А потом поглумиться над ней...

И со смехом добавил:

– Впрочем, как знать, не вызовет ли это у нее другую реакцию!..

Автор «Коломбы» был прав: госпоже Кастильоне требовалось, чтобы ее отшлепали по попке...

К несчастью, ни у кого не поднялась рука на то место, которое так нравилось Его Величеству императору Франции!..

На зиму двор вернулся в Париж, где Вирджиния продолжила свои выходки, к большому неудовольствию императрицы, которая тоже начала выказывать признаки раздражения. Доказательством этому был ее поступок во время бала в министерстве иностранных дел. Госпожа Кастильоне прибыла на него в костюме «Червонной дамы». Евгений, посмотрев на платье фаворитки, сплошь усеянное большими сердечками из красного бархата, задержала взгляд на одном из сердечек, расположенном в «малоподходящем месте», и произнесла громко:

– Что-то низковато расположено сердце!..

Придворные дружно расхохотались.

Госпожа Кастильоне, однако, и бровью не повела. С высокомерным и презрительным выражением на лице она прошла в другую гостиную, где представила себя, как какую-то святыню, на обозрение гостей, которые с трудом скрывали ухмылки.

За этими выходками в высшем свете Вирджиния все же не забывала о главной цели своего приезда во Францию. В постели она продолжала возбуждать интерес императора к итальянскому вопросу. Время от времени, прижавшись к нему всем телом, она с нежностью говорила о роли, которую могла бы сыграть Франция в деле объединения ее родины. И Наполеон III начал всерьез подумывать о вооруженном вмешательстве...

Когда Вирджиния была в Париже одна, любовники встречались в снятом супругами Кастильоне особняке под номером 28 на авеню Монтеня.

Но однажды, апрельской ночью 1857 года, когда император выходил из дома графини и садился в карету, которая ждала его у дверей, на него набросились трое неизвестных мужчин. Он едва успел вскочить в карету и крикнуть: «В Тюильри!»

Один из нападавших попытался было схватить лошадь под уздцы, но кучер ударом кнута заставил его отказаться от этого намерения. Потом кнут прошелся по спинам двух остальных нападавших. Те с воплями скрылись, и карета смогла доехать до дворца без приключений.

Сжавшись в комок на сиденье кареты, Наполеон III пережил несколько очень неприятных минут.

На следующий день весь Париж уже знал о том, что монарха едва не убили около дома любовницы.

Легко можно себе представить семейную сцену, которую в тот день закатила Ее Величество...

Полиции не составило особого труда задержать тех троих мужчин, которые напали на императора.

Ими оказались итальянцы, чьи фамилии были: Тибальди, Грилли и Бартолотти. Они были членами тайной организации, руководимой революционером Мазини.

Некий авантюрист по фамилии Жиро был связником этих троих с Ледрю-Ролленом, который из лондонской ссылки осуществлял общее руководство заговором.

Но в самый последний момент этот политический деятель, сказать про которого, что он был смехотворен, напыщен и трусоват, значило бы не сказать ничего, в порыве какого-то непонятного безумия и отчаяния выдал Жиро императорской полиции. Когда связника арестовали, то тот, решив, что предан «всем социализмом», быстро сообщил имена своих сообщников...

Таким образом, политические деятели республики 1848 года в очередной раз, сами того не желая, сыграли на руку Наполеону III...

Национальность трех участников покушения, естественно, развязала языки недругам госпожи Кастильоне:

– Эта итальянка, вне всякого сомнения, замешана в заговоре!.. Ведь им откуда-то было известно, что император именно в тот день будет в доме номер 28 на авеню Монтеня!..

Узнав о таких разговорах, Вирджиния пришла в ужас и заперлась в своем доме. Был ли у нее разговор на эту тему с императором? Может быть, но в дневнике она об этом не обмолвилась ни словом...

Как бы там ни было, но когда в августе начался судебный процесс над тремя итальянцами, Наполеон III посоветовал Вирджинии съездить в Англию...²⁹

Разумеется, обвиняемые ни разу не упомянули о госпоже Кастильоне, и вскоре улыбающаяся графиня, успевшая в Лондоне соблазнить герцога д'Омаля, с облегчением возвратилась в Париж.

Была ли она в действительности замешана в этом заговоре? В это трудно поверить, поскольку нет никаких причин, которые могли бы толкнуть ее в апреле 1857 года, когда она пользовалась особым расположением императора, на его убийство. Однако генерал Эстанселен сделал однажды волнующее признание. В одном из опубликованных Аленом Деко писем генерал написал:

«Не помню, писал ли я уже Вам о том, что некий приставленный к императору полицейский предложил известному мне лицу³⁰ организовать убийство большого хозяина³¹ и что эта личность была связана с графиней Кастильоне? И знаете ли Вы, что было сказано во время этого диалога?

– Что бы вы сказали, если бы я убил императора?

– Ничего!..

Я лично ничему не удивляюсь. Здесь речи нет о мщении на почве ревности или об убийстве по расчету. Остается только причина политическая... Но какая?»

И генерал Эстанселен делает такой вывод:

«Многое остается неясным в этой столь бурной светской жизни. Впрочем, разве можно узнать правду от женщины? Особенно от женщины, замешанной в политике?»

Так что тайна осталась покрытой мраком.

---

²⁹ В то время Вьель-Кастель написал в своем «Дневнике»: «Читая подробности этого дела, обращаешь внимание на то, с какой тщательностью все избегали называть имя графини Кастильоне, за чьим домом убийцы должны были следить, желая застать императора врасплох или при приезде, или же при отъезде... Вся эта хитрость напоминает секрет Полишинеля!..»

³⁰ Видимо, это был один из герцогов Орлеанских, бывший близким другом генерала Эстанселена.

³¹ Наполеона III.

Вернувшись в Париж, Вирджиния незамедлительно восстановила галантные отношения с императором. Графу Кастильоне пришла в голову благая мысль вернуться в Италию, и поэтому любовники могли встречаться совершенно спокойно.

В октябре графиня снова была приглашена в Компьень, где император и все гости потешались по поводу одного довольно легкомысленного происшествия с женой доктора Карефа, врача Мари Дюплесси.

Вот как об этом происшествии рассказывает летописец тех времен, известный всем Ламбер, говоривший про себя, что он – «посмертный ученик Сен-Симона и Талемана де Рео»:

«Мадам Кореф обладала красивыми зубами, достаточных размеров грудью и хорошо подвешенным язычком. Вся ее маленькая персона была охвачена игривостью, которая не затухала ни при виде собранных весной маргариток, ни на супружеском ложе: ее можно было любить только за то, что она есть.

Маркиз Арран де Лакодамин, долгое время исполнявший обязанности ее верного рыцаря-слуги, продолжал безнадежно вздыхать: дверь черного хода оставалась для него закрытой. Но перед ним широко распахивалась дверь парадная, а то уважение, с которым его принимали в этом доме, казалось ему предвестником нежного чувства.

Будучи мужем отнюдь не ревнивым, доктор Кореф очень часто, уходя из дома, оставлял в замке входной двери ключ, полагая, что, если ни хозяина, ни слуг дома не окажется, визитеру можно будет войти, не дожидаясь, пока слуга объявит о его визите хозяйке.

Однажды утром маркиз так и поступил: ему надо было срочно передать мадам Кореф рекомендательное письмо, о котором та попросила его накануне: она решила помочь одному из своих протеже, сверхштатному служащему какого-то министерства. Дойдя до спальни дамы своего сердца, маркиз остановился в нерешительности, опасаясь разбудить «своего милого друга». Но, услышав голоса, решительно открыл дверь.

И взору его предстало неожиданное зрелище.

Совершенно голая мадам Кореф лежала на кровати в обнимку с молодым протеже, вся одежда которого состояла из висевшего на золотой цепочке медальона со святым Бонифацием...

А сей медальон мало что мог прикрыть, тем более что для того, чтобы иметь свободу движений и не досаждать мадам Кореф, он держал этот медальон в зубах...

Сильно смутившись при виде желанной дамы, «принимающей от другого то, что он так хотел ей дать», маркиз сделал шаг назад. Но при этом задел прислоненную к стене трость. Она с грохотом упала на пол. Любовники вздрогнули и обернулись.

Увидев их замешательство, маркиз скрылся, сделав вид, что он ничего не видел.

Но его замешательство продолжилось на следующий день, когда он встретился с мадам Кореф и та попыталась оправдаться. Видя, что она покраснела, он не смог удержаться от вопроса:

– Скажите, мадам, почему это был не я?..

Ответ молодой женщины был до удивления простым:

– Потому что вы – слишком близкий друг!.. – сказала она, потупя взор.

Но госпожа Кастильоне, видимо, очень скоро забыла про эту историю. Поскольку ее связь с императором неожиданно оборвалась спустя всего лишь несколько дней после этого.

Настал вечер, когда она, явившись на улицу Бак, встретила удививший ее холодный прием со стороны императора. Она немедленно потребовала объяснений. Он сухо ответил, что она «сболтнула лишнего».

Опасаясь ревности императрицы, Наполеон III требовал от своих любовниц хранить в строжайшей тайне их отношения и безжалостно порывал с «болтушками».

Госпожа Кастильоне посчитала, что это – всего лишь преходящий каприз, но на самом деле вскоре окончательно впала в немилость.

Пять недель кряду она напряженно ждала записки, вызова, проявления прощения. Но безуспешно. В конце концов она, униженная, потерявшая всякую надежду, уверенная в том, что не смогла «выполнить» поставленную перед ней задачу, села в поезд, отъезжавший в Италию, увозя с собой в качестве утешения воспоминания о страстных последних ночах, проведенных с императором.

Эти воспоминания были ей так дороги, что спустя сорок два года после этого, составляя завешание и тщательно подбирая свои траурные украшения, она выразила пожелание, чтобы ее похоронили в «ночной рубашке, которая была на ней в Компьене в 1857 году».

Глава 6

Триумф госпожи Кастильоне: Наполеон III решает вмешаться в итальянские дела

Женщины любят лишь те войны, которые развязаны ими.
Бальзак

Приехав в Италию, Вирджиния сказала мужу, что жить с ним она больше не намерена. И сняла находившуюся неподалеку от Турина виллу «Глория», где вскоре и обосновалась со своим трехлетним сыном Джоржио. Там она хотела скрыться от позора и унижения. Но очень скоро ее посетил с визитом Кавур. Со слезами на глазах она призналась ему в причинах своего «поражения». Весьма разочарованный первый министр выразился очень четко:

– От Наполеона III можно ожидать всего чего угодно. Ваше присутствие при нем было необходимо для того, чтобы уменьшить влияние на него, оказываемое императрицей... Евгения боится объединения Италии, потому что, как добрая католичка, она против любых перемен, способных затронуть Святой престол... Испытывая симпатии к Австрии, она может внушить императору свои идеи... Госпожа Кастильоне потупила взор:

– Поверьте, я сделала все, что смогла.

Кавур продолжал:

– Евгения все еще ревнует его к вам. И, несомненно, уверена в том, что для женщины было бы большой победой, если бы она смогла убедить императора встать на сторону противников объединения Италии.

Вирджиния совсем пала духом: ей, полагавшей себя всесильной из-за своей красоты, это поражение было бы очень неприятным.

– Так что же мне делать?

– Ничего... Пока подождем!

Ждать пришлось очень недолго.

16 января 1858 года, развернув газету, она прочла о том, что Наполеон III едва не стал жертвой нового покушения. Когда императорская чета направлялась в «Опера», перед их каретой взорвались три бомбы, брошенные неким Орсини. Монархи остались целыми и невредимыми, но восемь человек были убиты на месте, а 156 человек получили ранения...

Новое покушение могло настроить общественное мнение во Франции против Италии и заставить императора пойти на сближение с Австрией.

Госпожа Кастильоне пришла в ужас. Но она не знала того, что народ способен на самые неожиданные поступки и чувства.

На суде Орсини заявил, что действовал из патриотических побуждений:

– Я хотел убить императора потому, что он против освобождения моей родины!

А Жюль Фавр произнес перед притихшей аудиторией обвинения Наполеону III:

– Пусть же Его Величество прислушается к последней воле патриота, стоящего на ступеньках эшафота. Пусть он освободит эту страну, и тогда его самого и его потомство будут вспоминать в благодарственных молитвах двадцать пять миллионов людей!..

И тогда общественное мнение резко переменялось. Орсини стал героем. О нем все говорили в дрожью в голосе. Даже императрица заявила, что она «высоко его ценит». А когда этот человек, столь зверским способом убивший и покалечивший десятки женщин и детей, поднимался на гильотину, сотни парижанок горько рыдали...

Вот что написал Ален Деко:

«Во Франции, как и в Италии, все были взволнованы, тронуты, потрясены, восхищены. Император снова погрузился в свою итальянскую мечту, которая во время судебного процесса так захватила все общество. Деятельности графини Кастильоне суждено было таким образом получить поддержку и награду...»³²

А Вирджиния со своей виллы в Пьемонте с интересом наблюдала за изменениями во французской внешней политике.

В мае ей стало известно, что Наполеон III направил в Италию Мак-Магона с секретной миссией.

В июле ей по секрету сказали, что по приглашению императора Кавур под именем Джузеппе Бенсо ездил в Плумбьер, где обсуждался вопрос о совместных действиях. Вернувшись, первый министр рассказал ей о поставленных императором условиях:

– Император согласен помочь нам изгнать с нашей земли австрийцев при условии, что Савойя и графство Ницца станут французскими... Я согласился на это... Кроме того, он требует, чтобы старшая дочь Виктора-Эммануэля вышла замуж за его двоюродного брата принца Наполеона... И с этим я согласен, несмотря на молодость принцессы Клотильды и бурную жизнь принца Наполеона...

Мало-помалу госпожа Кастильоне начала приходить в себя. Итак, ее продолжительные беседы с Наполеоном III оказались не напрасными: Франция все же поможет Италии освободиться от австрийцев.

Снова поверив в себя, она стала подумывать о том, что неплохо было бы переехать в Париж и отеснить от императора занявшую с некоторых пор место фаворитки и переселившуюся в Тюильри Марию-Анну Валевскую.

Она написала князю Понятовскому и попросила его совета. Ответ князя был очень откровенным:

«Я его (Наполеона) пока не видел: он плохо ко мне относится потому, что уверен в том, что между мной и тобой что-то было. Помимо всего прочего, он считает, что ты – любовница короля (Виктора-Эммануэля). Кроме того, ему сказали: “Теперь, после того, как она разошлась (с мужем), ее никто и никогда не станет принимать у себя”. Если честно, то он тобой вовсе не интересуется: с его стороны это было капризом, доставившим ему много неприятностей, и поэтому он о тебе и слышать не желает. Это очень жестокая правда, но будет лучше, если ты ее узнаешь для того, чтобы скорректировать свои действия и не совершать ошибок. Если ты попытаешься вытребовать от него что-то (драгоценности), не уверен, что сумеешь многого добиться: он или согласится, и тогда все будет кончено, или же откажется, засыпав тебя всевозможными обещаниями, и тогда дело осложнится... Что же касается власти над его сердцем, то кажется мне, что ни ты, ни кто другой этого добиться не смогут. Я все это тебе сообщаю потому, что мне было бы неприятно, если бы ты потеряла il banco и il beneficio (славу и деньги)».

Сами видите, князь дал ей очень хороший совет... Чуть ниже Понятовский завел речь о Марии-Анне Валевской:

«Она по-прежнему в чести, но отношения ее с Хозяйкой (императрицей) оставляют желать лучшего».

Шли месяцы, Вирджиния продолжала ждать новостей и надеяться...

---

³² Аллен Деко. Кастильоне – любимая женщина Европы.

В марте 1859 года она с радостью узнала о том, что, несмотря на желание Англии сохранить мир и вопреки мнению императрицы, выступавшей против войны³³, Наполеон III принял в Париже Кавура. Наконец, 20 апреля в газетах было объявлено, что, издерганный постоянными провокациями Пьемонта, австрийский император направил в Турин ультиматум. В нем молодой Франц-Иосиф потребовал от Виктора-Эммануэля сложить оружие за три дня.

Кавур этот ультиматум отверг. Это означало начало войны! 24 апреля полки из Парижа, приветствуемые восторженной толпой, двинулись на Лионский вокзал.

Продолжая находиться на вилле «Глория», Вирджиния с волнением следила за развитием событий.

3 мая она, вся дрожа, прочла в газетах о том, что Наполеон III, предоставив императрице право быть регентшей, взял на себя верховное командование и уехал в армию. «Через несколько дней, – сообщалось в коммюнике, – император будет в Италии».

И тогда в сердце Вирджинии родилась надежда. Она на всякий случай велела погладить ночную рубашку, которая была на ней в Компьене...

Наполеон III прибыл в Геную 12 мая. С этого самого дня дрожащая от волнения Вирджиния стала ждать от него письма, записки, устного послания...

Но император о ней и не думал. Он был всецело поглощен «своей» войной. Ведь он впервые в жизни командовал войсками, ведущими боевые действия. Впервые в жизни ему предоставилась возможность воспроизвести жесты, интонацию и движение подбородком своего прославленного дядюшки. Вполне понятно, что, охваченный волнением, он забыл о госпоже Кастильоне...

После встречи и объятий с Виктором-Эммануэлем он, пригладив усы, отправился в Алесандрию для того, чтобы лично руководить оттуда боевыми операциями. Пьемонтские войска вскоре одержали ряд побед, и продолжавшая скрываться на вилле Вирджиния следила за триумфальным шествием по Италии своего «маленького мужчины».

А вместо любовных писем читала военные сводки и победные реляции.

Были выиграны битвы при Кастеджио, Палестро, Маджента, Сильферино...

В это самое время обеспокоенная успехами французов Пруссия объявила о частичной мобилизации. Перепуганный этим Наполеон III поспешил заключить 6 июля перемирие с Австрией. А затем отправился в Турин, чтобы попрощаться с Виктором-Эммануэлем.

Король был в отчаянии: по франко-австрийскому соглашению Пьемонт приобрел всего лишь Ломбардию и Парму. Венеция осталась у Австрии, а Модена и Флоренция продолжали управляться независимыми герцогами...

До желанного Кавуром объединения всей Италии было еще далеко.

А поэтому в Турине императора приняли довольно холодно. Когда же он вышел из королевского дворца, то был потрясен тем, что открылось его взору: из всех окон свешивались знамена с траурными лентами, а в витринах магазинов и лавок были выставлены портреты Орсини. Человека, который хотел убить французского императора...

Понимая, что не в его интересах было задерживаться в Италии, Наполеон III немедленно отбыл во Францию, даже и не подумав о том, что от виллы «Глория» его отделяло всего несколько километров...

Очень этим расстроенная, Вирджиния, обливаясь слезами, убрала свою историческую ночную рубашку...

---

³³ См. **Октав Обри**. Вторая империя. «Императрица, которую Наполеон, чтобы быть более свободным в частной жизни, допускает к участию в делах управления государством и которая теперь разговаривает на эти темы с министрами и послами задиристо, импульсивно и капризно, мечет молнии, предсказывает самые страшные несчастья».

Вернувшись в Париж, император на некоторое время мог представить себе, что он – Наполеон Великий, чьи манеры он копировал вот уже семь лет. Да и как могло быть иначе? Ведь он вернулся в ореоле воинской славы, и его ждала фаворитка по фамилии Валевская...

Поскольку и на самом деле после отъезда Вирджинии монарх завел новую любовницу – очаровательную Марию-Анну де Риччи, супругу того самого графа Валевского, которого Наполеон I зачал в замке Шенбрунн во время одной из ночей, проведенных со своей польской подругой...

Молодая женщина встретила его с большой радостью и начиная со следующего дня стала ездить к нему в закрытой карете в его «холостяцкое убежище», которое он снял на улице Бак для того, чтобы там спокойно предаваться наслаждению...

Но все эти меры предосторожности были напрасны: всему двору было известно об этой новой связи. Императрица знала все подробности, граф Валевский – тоже знал, но закрывал на это глаза, боясь потерять портфель министра иностранных дел³⁴.

Безграничная снисходительность министра была обнаружена однажды вечером в Компьене господином де Шомон-Китри. Когда разговор зашел о фаворитке, принцесса Матильда воскликнула:

– Мадам Валевская такая пронира: она спит с императором и одновременно стала подружкой императрицы. Но она ужас как боится своего мужа, и я руку даю на отсечение, что мсье Валевский ни о чем не догадывается...³⁵

Господин де Шомон-Китри на это возразил:

– Полагаю, что Ваше Императорское Высочество глубоко заблуждается: неведение мсье Валевского – самая настоящая комедия. Я свои ми глазами видел, как в парке замка Вильнев он разворачивался и шел в обратном направлении, стоило ему только заметить где-нибудь на аллее императора и свою жену. Но я видел кое-что и похлеще. Однажды утром мы с мсье Валевским находились в комнате, что перед спальней императора. Пришел Мокар с каким-то срочным делом. Он открыл дверь, не постучавшись, и вдруг попятился назад от удивления. Через открытую дверь я смог увидеть мадам Валевскую в объятиях императора. Мсье Валевский стоял со мной рядом и не мог не увидеть того, что увидел я...

Тогда и принцесса Матильда добавила, что император иногда вел себя очень свободно, даже во время путешествия по железной дороге:

– Я знаю, – сказала она, – что император весьма неосторожен. Он ничего и никого не стесняется. В прошлом году, когда мы ехали в Компьень на поезде в императорском вагоне, разделенном на два купе, мы с мадам Амелен стали свидетельницами любовного влечения Его Величества к мадам Валевской... Мы сидели с мадам Амелен рядом с дверью, разделявшей вагон. Кроме нас в этом купе находились императрица, мсье Валевский, словом, все, кому было положено. За дверью император был наедине с мадам Валевской. От покачиваний вагона дверь приоткрывалась, и мы могли видеть моего дорогого кузена, сидящим на коленях у мадам Валевской. Он целовал ее в губы, а руками ласкал ее грудь.

Граф Орас де Вьель-Кастель, приведя эти разговоры в своих «Мемуарах», добавляет к этому один штрих, который дает нам полную картину личности Наполеона III:

«Вечером, после этого разговора, когда мы возвращались в Париж, Китри сказал мне, что несколько раз заставлял императора в таких деликатных ситуациях и что всякий раз император приветствовал его и теребил усы, на что Китри отвечал точно такими же жестами и безо вся-

---

³⁴ **Генерал Рикар.** Вблизи семейства Бонапартов. «Император велел соорудить в Фонтенбло лесенку, соединявшую его покои с альковом госпожи В... Следует, однако, заметить, что комната господина В... сообщалась с комнатой его супруги. Вероятно, муж глух и жену не навещает».

³⁵ **Граф Орас де Вьель-Кастель.** Мемуары.

кого смеха. И что при всем этом у них обоих был такой важный вид, как у служек, держащих апостольские послания, и что они прекрасно понимали друг друга без слов...»

Госпожа Валевская была столь же застенчива, как и император, и поведение ее часто оставляло желать лучшего. В связи с этим приведем весьма показательный случай, о котором рассказал сам Шомон-Китри:

«Эта миниатюрная интриганка мадам Валевская настолько хитрая шлюха, что однажды я застал ее всего в двух дюймах от Фуля...»

Связь Наполеона III и госпожи Валевской длилась около двух лет. За это время фаворитка успела получить множество роскошных подарков и добиться для мужа неслыханной «денежной милости».

Такая щедрость императора очень бурно обсуждалась любителями посплетничать. И настал день, когда маршал Вайан выразил всеобщее мнение одной крутой фразой в чисто армейском духе.

Это произошло в Пьерфоне. Госпожа Валевская с восхищением рассматривала водосточную трубу в виде ящерицы, которая была только что установлена на отреставрированной части замка:

– Отлично сработано! – сказала она. – Но такая труба, должно быть, очень дорого стоит!..

– Не дороже вашей! – ответил маршал Вайан.

Это не было слишком умной остротой, но зато ее поняли все.

Глава 7

Скандал на всю Европу: императрица Евгения сердится

*Это только вызвало смех от Лондона до Санкт-Петербурга.
Д-р Кабанес*

Связь с госпожой Валевской не мешала Наполеону III продолжать интересоваться менее аристократическими округлостями.

Зная вкусы монарха, Бачьокки приглашал в дом на улице Бак прелестных танцовщиц, которые с легкостью поднимали ноги не только на подмостках сцены...

Для императора эти молодые женщины были развлечением, которое, как сказал доктор Брей, «действовали на него благотворно и оттягивали кровь от мозга».

Это было, возможно, полезно для здоровья, если верить некоему писателю XVI века, утверждавшему: «Монархи и государственные деятели, у которых от государственных дел разогревается кровь и отягощается мозг, часто вынуждены прибегать к физической любви для того, чтобы прочистить себе мозги и яснее понимать интриги двора и другие политические дела». Он же добавляет: «Акт любви, если он исполнен с женщиной темпераментной, помогает прогнать плохое настроение и отрицательные эмоции, накопившиеся в теле и грозящие затмить разум...»³⁶

Наполеону III эта беда не грозила. Ибо по несколько раз в неделю молодые балерины с кипящей в жилах кровью с удовольствием и изобретательностью прочищали его разум, принося таким образом неоценимую услугу государству...

Эти девицы не всегда приглашались в «холостяцкое гнездышко» на улицу Бак. Случалось, что император изъявлял желание видеть их в тайных апартаментах, которые по его приказу были оборудованы в Тюильри.

Увы! Торопясь разогнать вредные мысли, император не всегда бывал осторожным и забывал закрывать дверь.

И однажды вечером, в ноябре 1860 года, неожиданно спустившаяся вниз императрица случайно открыла дверь кабинета, в котором, как она знала, муженек ее частенько запирался для того, чтобы изучать сухие труды по баллистике. Открыв дверь, императрица от неожиданности вскрикнула: Наполеон III с какой-то голой девицей занимался упражнениями, не имевшими ничего общего с баллистикой и военным делом...

Так Евгения впервые застала мужа с поличным на месте совершения супружеской измены. Захлопнув дверь, она, рыдая, поднялась в свои покои.

Наполеон III, придя в замешательство от того, что его тайну раскрыли, «быстро привел в порядок свою одежду, помахал ручкой девице, которая, не получив удовлетворения, зарыдала, и помчался вслед за императрицей»³⁷.

Последовала бурная сцена. Смешивая от волнения французские и испанские слова, Евгения всячески поносила монарха, повесившего свой большой нос. Кончилось все тем, что императрица заявила, что в Компьень она не едет, а отправляется путешествовать за границу.

Наполеона III эти слова убили. Дрожащим голосом он попытался было втолковать жене, что эта ее поездка могла быть неправильно истолкована, что оппозиция не преминет использовать это в своих нападках на режим и что над ними будут потешаться все европейские дворы...

---

³⁶ Пьер де Вивэ. Любовь и тело человека.

³⁷ Амедей Прадье. Тайны дворца Тюильри.

Но эти доводы не возымели на императрицу никакого действия. И спустя несколько дней после этого разговора Евгения отправилась в Шотландию. Вся ее свита состояла из четырех человек.

В течение почти месяца императрица с грустью в сердце колесила под дождем по этой навевающей меланхолию стране. Она посетила Карлайл, Холируд, Глазго, озера, в которых танцуют странные туманы...

Путешествовала она под именем графини де Пьерфон. Власти Шотландии всячески поддерживали ее инкогнито. Но, как и предсказывал Наполеон III, вся Европа была удивлена этой страстью к путешествиям. Никогда до этого ни одна монархиня в мире не уезжала одна от семейного очага...

В начале декабря Евгения вернулась в Париж. Обида ее несколько поутихла. И все же она теперь не чувствовала, как раньше, влечения к императору. Иногда она глядела на него в упор, и завсегдатаи двора говорили, что в такие минуты «Ее Величество вновь охватывали малоприятные воспоминания»³⁸.

Наполеону III такие взгляды не нравились. Он сожалел о блаженных временах свободы, которую познал во время итальянской кампании.

И случалось, что вечерами, при виде дувшейся на него императрицы, он мечтал о какой-нибудь новой войне, которая вынудила бы его на несколько месяцев уехать из Тюильри. Один из его придворных в те времена сделал в своем дневнике вот такую запись: «Для того чтобы избежать семейных дразг, он с удовольствием поджег бы Европу с четырех концов...»

Это было истинной правдой.

Позднее мы увидим, как он уступит императрице в вопросе с Папой Римским для того, чтобы добиться прощения за свои новые любовные свидания в «мальчишеской обители» на улице Бак...

Зимой, для того чтобы не видеться с императрицей, Наполеон III часто отправлялся кататься на коньках по льду замерзшего озера в Булонском лесу.

В плаще и цилиндре, он исполнял сложные фигуры в кругу восхищенных парижан. Рассказывают, что он любил, подняв одну ногу, ехать по льду и копировать фигуру Гения, что установлен на колонне посреди площади Бастилии³⁹.

С обычной для него милой непосредственностью он часто назначал любовные свидания на катке. Часто можно было видеть, как он руководил катанием очаровательных девиц. Самой яркой из них была мисс Снайл, очень красивая англичанка, которая, по выражению госпожи де Флери, «умела падать, выставляя на всеобщее обозрение самые соблазнительные и потаенные места».

Однажды, в январе 1863 года, Евгения пошла кататься с императором. Несколько минут они спокойно кружили на льду, но потом на лед вдруг вышла какая-то молодая женщина с ярко накрашенным лицом и в красных кожаных сапожках и проделала несколько очень сложных и необычных движений.

Император остановился и заинтересованно спросил:

– Кто это?

Принц Иоахим Мюрат улыбнулся:

– Американка, сир. Некая миссис Маультон.

– Она прелестна... Мне бы хотелось сказать ей комплимент по поводу ее катания...

---

³⁸ Эмбер де Сент-Аман. Императрица Евгения.

³⁹ Сегодня мы не можем даже представить себе главу государства, выписывающего на коньках сложные фигуры на льду озера в Булонском лесу или хотя бы бассейна Елисейского дворца...

Принц Иоахим Мюрат умело заскользил к очаровательной американке. Наполеон III последовал за ним. «Когда он приблизился, – рассказывала потом Лилия Маультон, – то был весь запыхавшийся и сопел как паровоз».

Американка присела в реверансе.

Император поднял ее.

– Примите мои поздравления, мадам! Вы прекрасно катаетесь на коньках!..

Миссис Маультон, раскрасневшись от комплимента, объяснила, что увлекается этим видом спорта с самого детства.

Наполеон III решил воспользоваться случаем:

– Да, действительно, чтобы достичь такого совершенства, надо начинать в очень раннем возрасте... Могу ли я попросить столь блистательную фигуристку прокатиться по льду с таким посредственным конькобежцем, каким являюсь я?..

Осчастливленная миссис Маультон ответила, что это была бы для нее огромная честь. А потом, взяв императора за руку, стала проделывать сумасшедшие фигуры на глазах у изумленного двора и очень обидевшейся императрицы.

В какой-то момент с головы императора слетела шляпа. Совершив элегантный пируэт, миссис Маультон подняла ее со льда и подала императору.

А мгновение спустя после этого они, взявшись за руки крест-накрест, уже подкатали к берегу. Все придворные захлопали в ладоши, а некоторые особенно ядовитые дамы уставились на императрицу.

И удивились: Евгения улыбалась...

Вскоре всем стала понятна причина этой ее улыбки...

На следующий день об этой встрече на льду императора с американкой узнал весь Париж. А люди осведомленные добавляли ко всему прочему, что миссис Маультон, урожденная Лили Гринаут, двадцати лет, родом из Бостона, была замужем за Чарльзом Маультоном, сыном богатейшего американского банкира, поселившегося во Франции во времена правления Луи-Филиппа. Добавляли также, что она живет в роскошном особняке на улице Курсель и что она хорошо поет.

И все это было правдой: Лили любила петь. Ученица Мануэля Гарсия, брата известной Малибран, она обладала голосом, который, по мнению специалистов того времени, имел «округлость и оттенок самых очаровательных жемчужин». И поэтому придворные говорили лукаво, что император с большим удовольствием «познает источник такой красоты»...

Ну а у Евгении на сей счет была своя задумка...

Спустя несколько дней Лили Маультон получила приглашение в Тюильри. Наполеон III, подумав, что императрица решила отныне проявлять по отношению к нему большее понимание, поговорил с ней ласково, теребя бородку, и даже выдавил из себя несколько избитых комплиментов.

Однако, когда его остекленевшие глаза едва не закатились при виде впечатляюще смелого выреза платья молодой американки, рядом с ними появилась улыбающаяся Евгения:

– Не желаете ли пройтись со мной, мадам Маультон?

Певица поклонилась императору и проследовала за императрицей в другой конец гостиной.

А именно там великолепный, элегантный, остроумный герцог де Мори рассказывал последние парижские сплетни группе очарованных слушательниц.

Миссис Маультон сразу же влюбилась в него.

«Ей вдруг показалось, – написал Ламбер, – что она увидела человека, которого раньше знала по карикатуре на него»⁴⁰.

Герцог де Морни поклонился и вперил свой взгляд соблазнителя в глаза Лили. Та покраснела.

– Мне бы очень хотелось услышать, как вы поете, мадам...

– Я спою, когда вы пожелаете...

Ответ был многообещающим.

Евгению это успокоило, и она поспешила присоединиться к императору, продолжавшему, как обычно, крабом шататься среди гостей.

Спустя несколько недель императрица узнала о том, что герцог де Морни стал любовником трепетной американки. Ее план удался...

Вполне понятно, что государыня не могла направлять всех красивых женщин в постель своего родственника. Несмотря на всю ее бдительность, некоторым красоткам все же удавалось проникать в дом на улице Бак. Так, весной 1863 года туда неоднократно навещалась одна из самых известных парижских куртизанок. И там она получала, как говорится, «императорскую лепту».

Вот уже несколько лет она называлась маркизой де Пайва, ослепляла столицу роскошью и жила в одном из самых красивых особняков на Елисейских Полях⁴¹.

А начинала она очень и очень скромно. Тереза Лашман родилась в еврейском гетто в Польше. В шестнадцатилетнем возрасте она вышла замуж за француза-портного по имени Антонен Виллуэн. И впервые в жизни поменяла лохмотья на настоящее платье. Затем она отправилась в любовные странствия по трущобам Константинополя, Лондона, Берлина... А в 1841 году обосновалась в Париже.

В столице Франции она стала работать на панели, движимая желанием стать в один прекрасный день королевой Парижа. И тут ей пришлось на помощь небо...

Как-то вечером, когда она сидела на скамейке на Елисейских Полях в ожидании очередного клиента, произошла встреча, ставшая решающей в ее судьбе. Вот как она сама об этом рассказывает:

«Вот на этой скамейке я и сидела однажды вечером без гроша в кармане и с корочкой хлеба на ужин. На ногах у меня были дырявые башмаки, которые наполнялись водой при малейшем дожде. На плечах – латаное-перелатаное заштопанное платье. Я никого в городе не знала, никого не ждала. Просто сидела и глядела на проносившиеся мимо меня коляски. Зависти я не испытывала, поскольку знала, что настанет день и я тоже буду ездить в коляске, вся сверкая бриллиантами. Да, это я знала. Не знала я только того, где проведу ночь и что буду есть завтра. Когда на улице начало темнеть, рядом со мной сел какой-то человек. Это был пианист Анри Эрц. Он не был ни богат, ни ловок. Меня он в сумерках не разглядел. Не заметил он ни моих грязных лохмотьев, ни всклокоченных волос, ни худобы моих рук. Но он отнесся ко мне по-человечески! И я его никогда не забуду. В ту ночь я поклялась себе в том, что когда я стану богатой, когда завоюю Париж, то возведу дворец на месте лачуги, стены которой видели меня полуголой с подведенным от голода животом».

А десять лет спустя Тереза, успевшая уже стать к тому времени маркизой де Пайва⁴², увидела на том же самом месте еще один знак расположения богов. Она возвращалась в коляске из Булонского леса вместе с Арсеном Уссеем. Ее запястья, пальцы и щиколотки были увешаны драгоценностями. Указав писателю на знакомую хижину, она сказала:

– Взгляните на эту лачугу. Однажды я в ней дала себе одну клятву.

---

⁴⁰ Наполеон III был действительно дружеским шаржем на своего сводного брата.

⁴¹ Этот особняк цел и поныне. Это – дом номер 25 на Елисейских Полях.

⁴² В 1851 году она вышла замуж за маркиза Ажоро де Пайва, кузена посла Португалии в Париже.

И потом рассказала ему всю свою историю. А после этого спросила:

– А вы не знаете, кому принадлежит эта лачуга?

Уссей расхохотался:

– Мне!

– Вы шутите?

– Нисколько! Но должен признаться, что это очень странное совпадение: не далее как вчера я купил участок земли и эту хижину у Эмиля Перейра...

– Небывалый случай!.. Послушайте, я хочу знать, сколько вы за все это заплатили. И даю вам вдвое большую сумму. Мне этот участок просто необходим! Я вот уже десять лет считаю его своим!

– Я приобрел его за двести тысяч франков, – сказал Уссей, – и уступлю его вам за ту же цену. Это слишком красивая история, чтобы я захотел заработать хотя бы одно су!

Маркиза де Пайва поцеловала писателя.

– Я никогда не забуду вашего поступка. А вы ведь знаете, что я – человек слова. Если я что-нибудь говорю, то не просто ради красивого словца.

Если вам что-нибудь будет от меня нужно!..⁴³

В 1856 году дворец Пайва начал вырастать из-под земли. А весь Париж хохотал над остроумием Эдмона Абу. На чей-то вопрос о том, как идет строительство дворца, писатель ответил:

– О, дворец Пайвы почти готов... Панель уже есть...

Однако связь императора с этой шикарной куртизанкой не была долговечной. В тот день, когда она поняла, что никогда не будет принятой в Тюильри, Тереза прекратила визиты на улицу Бак. Наполеон III не очень-то из-за этого расстроился. Потом он скажет:

– Она только и говорила о стоимости своей мебели...

И на сей раз Евгения смогла вздохнуть с облегчением. Но она и не подозревала того, что вскоре в жизнь императора ворвется женщина намного более опасная...

---

⁴³ Эта история приведена Арсеном Уссеем в его «Воспоминаниях за полвека». Автор, несомненно, очень приукрасил рассказ маркизы...

Глава 8

Французский император становится любовником «насмешницы Марго»

*Он любил простой народ и умел это доказать.
Антуан Фигон*

16 июня, несмотря на надвигающуюся на Сен-Клу грозу, император отправился прокатиться в коляске. Вскоре после его отъезда внезапно ударил гром, и на парк обрушился проливной дождь.

Все, кто гулял по аллеям парка, бросились искать укрытия под деревьями. Некая очаровательная молодая женщина, которую ливень застал на открытом участке парка, прижалась к стволу дуба. Платье ее насквозь промокло, волосы растрепались, туфли наполнились водой.

Вся дрожа от страха и холода, она ждала окончания грозы. И вдруг увидела на аллее коляску с императорскими гербами. Это возвращался сам Наполеон III.

Молодая женщина почтительно поклонилась.

И тут случилось нечто необычное: из коляски вылетел плед и упал к ногам прекрасной лесной нимфы.

На Наполеона снизошло, как говорили его современники, «вдохновение галантного мужчины».

Желая посмотреть, какой эффект произвел его жест, он на мгновение высунул голову под струи дождя и улыбнулся: молодая женщина продолжала неподвижно стоять под деревом, но теперь уже в крайнем изумлении.

Когда коляска уехала, она подняла с земли плед, и, прикрывая им голову и плечи, вернулась к себе.

Судьбе было угодно поставить на пути императора одну из самых пылких и самых опытных жриц любви прошлого века...

Ее имя было Жюли Лебеф, но она предпочитала называть себя Маргаритой Белланже. Это была девица довольно высокого роста, стройная и очень смешливая, поскольку она любила коверкать слова. Из-за ее привычки шутить любовники прозвали ее «насмешницей Марго». В ней было, рассказывает Мари Коломбье, «этакое народное очарование, настолько вызывающее, что она привлекала к себе всех мужчин»⁴⁴. Необычайно гибкая и развитая, она развлекалась тем, добавляет один из ее биографов, что «входила в салоны на руках, к крайнему удивлению дам, но к огромной радости мужчин, которые получали возможность восхититься самыми красивыми в мире ножками».

Она родилась в 1839 году в Сен-Ламбере, маленькой деревушке в департаменте Мен. В 1856 году она уехала из родной деревни в Нант, где завела дюжину любовников и приобрела прочные навыки любовных игр в постели некоего председателя суда.

Получив таким образом любовное образование, она перебралась в Париж, где ее, естественно, привлекло драматическое искусство. Она попала в труппу крошечного театра на улице Тур-д'Овернь. Но увы! Дебют ее на подмостках сцены был далеко не блестящим. Вот что донес до нас Фредерик Лолье, который услышал рассказ Людовика Алеви:

«Ей очень хотелось сыграть в “Мадемуазель де Бель-Иль” мадам Арну-Плесси. Там она должна была появиться одновременно и в роли женщины, ставшей знаменитой благодаря тому, что соблазнила семнадцатилетнего юнца Брусса, который, дав себя соблазнить безо всякого

---

⁴⁴ Мари Коломбье. Мемуары. Конец Империи.

сопротивления, вернулся в лоно семьи, остепенился, стал позднее важным человеком и основал награды Академии.

Собрав все свое мужество, красивая, как цветок, Маргарита вышла на сцену. Ей явно не хватало подготовки. Она показалась зрителям неуклюжей, и любители драмы начали нахально и громко выражать свое мнение о ней. Их ропот недовольства скоро перерос в гул. Прервав диалог на самом интересном месте, она цыкнула на зрителей, подхватила юбки и покинула сцену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.